

ЮЛИЯ КЛИМОВА

*Дом певчих
птиц*

Юлия Климова
Дом певчих птиц

«Юлия Климова»

2019

Климова Ю. В.

Дом певчих птиц / Ю. В. Климова — «Юлия Климова», 2019

XIX век. Маленькая сирота Софья оказывается в доме старой торговки канарейками. Теперь девочке нужно ухаживать за птицами, но однажды, она узнает тайну своей хозяйки, и совершит поступок, который гулким эхом долетит и до наших дней. XXI век. Дина вынуждена провести неделю в гостях у археолога. Наверное, не стоило трогать чужие вещи, но любопытство решило иначе. «Найди того, кто тебя спасет», – чуть позже скажет судьба, и Дина попробует сделать правильный выбор.

© Климова Ю. В., 2019

© Юлия Климова, 2019

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юлия Климова

Дом певчих птиц

Часть 1

*Кто помнит имя? Нет, не я –
Отметин черных на судьбе не стало.
Другая будет пить теперь траву,
Плести венок из мертвых роз
И складывать тоску в туман,
Где не сбылось, и где обман
Растет и набирает силу,
Где нет ответа на «помилуй»,
Где каждый день зовет меня.*

Петербург. Далекое прошлое...

Холод всегда присутствовал в ее жизни. Он имел разный цвет, запах, вкус и даже разные лица. Он то проникал в дыры износившихся ботинок, то пробирался под тонкую изношенную кофту, то сжимал тощую шею, то смеялся в лицо, демонстрируя кривые желтые зубы. Соня привыкла к нему. Ее ничуть не беспокоили постоянно шмыгающий нос и дрожащие руки с красной потрескавшейся кожей и ломкими ногтями.

«Чем хуже ты выглядишь, тем лучше, – любил говорить Прохор, едко усмехаясь и щурясь. – Толстосумы охотнее расстаются со своими деньжатами, когда видят перед собой костлявого и жалкого сопляка или соплячку. Так что радуйся, что осталась без каши».

Мать бросила Соню три месяца назад на вокзале. Колочий ветер дул в спину, и волосы все время закрывали лицо, фразы улетали, и никак не получалось их ухватить. «Ты мне надоела... надо было сразу отдать тебя в какой-нибудь приют... и не нужно на меня так смотреть, я еще молода, а ты вечно путаешься под ногами... чтоб я тебя больше не видела, сама разберешься...» Соня хорошо запомнила нетвердую, пьяную походку матери и резкий прощальный взмах рукой, будто кто-то дернул ее за локоть. Потом пришел поезд, встречающие и провожающие засуетились на перроне, и первый, пока еще осторожный, укол страха заставил вздрогнуть: «Что будет со мной?..»

Много лет Соня скиталась с матерью от деревни к деревне, от постоянного двора к постоянному двору, но потом они добрались до Петербурга, и в душе вспыхнуло: «Вот она – сказка!» Большой, величественный город с торопливыми экипажами и неспешными прохожими, с высоченными домами и пестрыми лавками, с ароматами сдобы, витающими возле булочных, и веселыми торговцами на рынках. Но оказалось, что жидкий кисловатый суп, купленный за гроши в мрачном трактире неподалеку от кирпичных бань, имеет точно такой же вкус, как и похлебка, отданная из милости в небольшой деревеньке на перекрестке дальних дорог. И холод здесь был все тот же, его мало интересовало, кто перед ним: сытый, хорошо одетый граф или жалкая девочка в тонкой изношенной кофте.

Соня никогда не видела своего отца, и, если верить матери, имя его даже не было известно. Какие уж тут бабушки, дедушки и прочие близкие и дальние родственники... Пожалуй, сиротство тоже имеет вкус – продолжительно горький, без каких-либо смягчающих оттенков.

Но, если у тебя есть мать, ты же не сирота?

Соня не смогла бы уверенно ответить на этот вопрос, особенно покидая вокзал в звенящем одиночестве. Дрожащий страх уже поднимался от щиколоток к коленям, заставлял оглядываться, спотыкаться и нервно облизывать резко пересохшие губы. И, как назло, небо Петербурга темнело, обещая скорый дождь и серое безотрадное будущее, наполненное лишениями и скитаниями.

Где они ночевали в последний раз? Как найти дорогу в тот пропахший рыбой и луком мрачный дом с узкими грязными комнатками? И стоит ли искать, разве там предложат еду и бесплатный ночлег?..

Соне и раньше приходилось выпрашивать милостыню, но теперь, похоже, ее место было именно на паперти. Стоять, опустив голову, и просить немного легче, чем бегать по рынку, приставать к прохожим и настойчиво кланяться: «Дайте монетку, дяденька... Пожалуйста, дайте монетку, тетенька...»

– Почему она оставила меня? Разве я так сильно мешала? – тихо произнесла Соня, вытирая рукавом первую слезу, всхлипывая. Но она все же не зарыдала, отчего-то никогда не получалось плакать долго и судорожно, наверное, в душе давным-давно замерз обжигающий нерв, отвечающий за продолжительную жалость к себе. А такой безутешный плач, возможно, дал бы облегчение на некоторое время.

В тринадцать лет тощая миниатюрная Соня выглядела на десять, и, наверное, это было хорошо: маленьким детям охотнее подают милостыню. А чего еще желать, когда голод сжимает желудок и мешает спать?

Соня знала, что похожа на лягушонка, так во всяком случае часто говорила мать. Большие глаза, большой рот, узкие плечи, руки и ноги – веточки... Иначе и не назовешь. «Единственное, чем тебя одарил Господь – это волосы, – усмехалась мать и почти сразу отворачивалась, мгновенно теряя интерес к дочери. – У твоей бабки были такие же». Но Соня не считала, что ей повезло с волосами: густые, вьющиеся, цвета мокрой глины, они постоянно путались и впитывали устойчивые запахи еды на постоялых дворах и в трактирах. Иногда, они так пахли, что их хотелось немедленно отстричь.

На глаза Прохору Соня попала довольно быстро, дней через пять.

– Ты пойдешь со мной, – грубо сказал он, схватил ее за руку и потащил за собой.

– Но... – выдохнула в ответ Соня и замолчала, потому что слова застряли в горле, а душу охватил нестерпимый ужас. Кто этот человек? И что он с ней сделает? Высокий небритый мужчина с маленькими бегающими глазками, цепким взглядом, редкими длинными волосами, в помятом сальном пальто никак не мог вызвать даже каплю доверия.

– Я – Прохор, и я теперь твой хозяин. Ясно? – произнес он, перешагивая большую лужу. Соне пришлось подскочить и быстрее перебирать ногами, иначе ее рука попросту бы оторвалась. – И не смей перечить моей матери, она этого терпеть не может. Ты же не хочешь, чтобы однажды я пересчитал твои паршивые ребра?

Соня не хотела, и поэтому отчаянно замотала головой, отчего чуть не потеряла равновесие и не упала. Похоже, судьба уготовила еще одно испытание, и лучше помолиться заранее, вдруг потом уже не будет такой возможности...

Прохор жил в старом трехэтажном доме, где сдавались дешевые комнаты, а на первом этаже за длинными узкими столами можно было выпить и закусить. Двери жалобно скрипели, в оконные щели пробирались сквозняки, ступеньки издавали стоны, крыша привычно впитывала дождевые капли, плесень и сырость ползли по стенам бесформенными пятнами, меняя цвет с серого на коричнево-зеленый. Но постояльцев и случайных гостей это ничуть не беспокоило, их вполне устраивала цена за ночлег и предложенные щи с водкой и хлебом.

– Еще одну притащил? Да сколько можно собирать отребье по подворотням! – сверкнула глазами мать Прохора, когда увидела Соню. Поджав тонкие губы, фыркнув, она принялась

гневно тереть один из столов тряпкой, отчего длинные сальные волосы стали раскачиваться и подпрыгивать. – Я устала кормить твоих попрошайек, выгону всех к чертовой матери!

Как оказалось, на Прохора работали еще пятнадцать детей. Целый день они бегали по улицам и кланчили деньги, а на обед и вечером возвращались и отдавали все до копейки хозяину, получая несколько кусков хлеба, кашу или суп. И горе тому, кто принес слишком мало, кулак у Прохора был тяжелый и бил точно в цель.

Маленькие побирушки жили на чердачном этаже и пользовались дополнительной лестницей, ведущей на задний двор. Им запрещалось приближаться к постояльцам и каждый знал, что лучше не попадаться на глаза Евдокии Семеновне – матери Прохора. «Вместо того, чтобы помогать мне, ты с утра до ночи пьешь! – гневно кричала она на сына, уперев руки в бока. – Хорошо устроился! Почему я должна терпеть твоих грязных поганцев?! Сначала ты говорил, что их будет пять, потом семь, потом десять... А теперь их больше, чем мух на навозной куче!» В ответ Прохор или отмалчивался, или коротко огрызнулся, но его слабость перед матерью чувствовалась, и было ясно, кто в конце концов уступит или сдастся.

Первое время Соня скучала по прошлой жизни, однако потом борьба за выживание вытеснила из памяти многочисленные дороги, и фраза «Ты мне надоела... надо было сразу отдать тебя в какой-нибудь приют...» перестала звенеть в ушах. Будто Соня родилась и выросла на этом чердаке, будто так было всегда.

Попрошайки Прохора редко общались между собой, лишь холодная ночь заставляла их придвигаться друг к другу поближе в надежде согреться и наконец-то уснуть. Но драки происходили часто, и Соня не всегда понимала, отчего они случаются, вроде минуту назад и не было никакой ругани... Это уже позже она догадалась, что слова здесь вспыхивают спичкой, и порой достаточно лишь одной фразы, чтобы началась возня с глухими ударами, гневным сопением и вскриками. Маленькие попрошайки не прощали обид, и мальчишки, и девчонки умели сжимать кулаки и бесстрашно бросаться в бой на защиту своей тощей, потрепанной чести. И шуметь при этом было нельзя, иначе Прохор, получив очередную порцию недовольства от матери, мог хорошенько наказать.

Самым резким, сильным и отчаянным был рыжий Лешка Соловей. Он выделялся не только цветом волос, но и ростом, умом, а еще цепким недобрым взглядом и особой насмешливо-едкой улыбкой. Даже худоба Лешки казалась устрашающей, и все обитатели чердака старались держаться от него подальше (никто не хотел заполучить фингал под глаз или лишиться зуба). Если у Соловья было хорошее настроение, то по ночам он с тягучим удовольствием рассказывал страшные истории из приютской жизни, и каждый слушатель думал: «Какое счастье, что я попал к Прохору, а не в сиротский дом».

Однажды и Соне досталось от Лешки. Хитрый и ловкий Петька выгреб из ее тарелки всю гущу, оставив только бульон с тремя кружляшками морковки.

– Ты все равно много не ешь, – хохотнул он облизываясь. – Да и суп не очень вкусный... Тебе вполне и водицы хватит.

Но в этот момент Соня смотрела не на веселого и довольного жизнью Петьку, а на Соловья, грозно вырастающего за его спиной. Интуиция подсказала, что через несколько секунд обидчик будет скуливать от боли и просить о пощаде. И почему-то чувство вины за это сильно сжало сердце, а затем застучало молоточками в висках быстро-быстро.

Игнорируя страх, Соня замотала головой, качнулась и тихо забормотала: «Не надо, не надо...» А как только Петька обернулся, побледнел и, мгновенно оценив опасность, отскочил в сторону, она инстинктивно устремилась к Лешке и крепко вцепилась в его руку.

– Не бей его! – крикнула она, не узнавая собственный голос. – Слышишь?! Не бей!

Попрошайки перестали стучать ложками о тарелки и замерли, гадая, чем закончится обед.

– Его? Не буду. Теперь не буду, – тихо произнес в ответ Лешка и многозначительно усмехнулся. – Но мне, кажется, я должен объяснить тебе, что никогда не стоит заступаться за того, кто лишил тебя последнего куска хлеба.

Соня уже была знакома с определенными уличными законами, и именно поэтому бросилась спасать Петьку. Да, виноват. И суп жалко. Но до вечера можно потерпеть, голод привычен, ничего страшного.

Разжав пальцы, не опуская рук, Соня сделала испуганный шаг назад. Однако смысла в нем не было, через секунду резкий удар в плечо отправил ее маленькое, худенькое тельце к стене. Из груди вырвался судорожный вздох, ноги мгновенно ослабли, и острые лопатки встретились с полом. Соня сделала попытку повернуться набок и сжаться в комочек, но над ней навис Лешка, и защититься хоть как-нибудь не получилось. Он поднял кулак, готовясь ударить, и замер, встретив взгляд больших, переполненных испугом серо-голубых глаз.

Глава 1

Чемодан я всегда собираю долго и мучительно, он маленький, а сокровищ у меня слишком много. Вот и приходится метаться между бесконечно важным и невероятно нужным. Я бы, конечно, предпочла объемную спортивную сумку, но бабушка считает, что именно с чемоданом нужно приезжать к отцу. Тогда в его душе будет гораздо больше ответственности, а позже, при расставании, он непременно погрузится в печаль.

«Потому что когда у ребенка впереди дальняя дорога, то нормальному человеку его жалко. Но это нормальному, – часто подчеркивает бабушка. – Тебе уже четырнадцать лет, и можно не сомневаться, отец посадит тебя в автобус, махнет рукой и забудет через пять минут, что у него есть дочь. А чемодан старый, колесики гремят хорошо, до самой совести пробирают...»

Честно говоря, дальняя дорога – это громко сказано.

В магическую силу колесиков я не верила, но ничего не оставалось, как только сократить количество наваленных на кровати вещей в три раза. Что же взять?..

Меня уж точно нельзя назвать модницей. Я всегда предпочитала джинсы, свитера и кроссовки, но в квартире отца никогда не получалось чувствовать себя комфортно, и мне не хотелось бы затевать там стирку, если вдруг на единственную футболку случайно прольется сок или чай. А с учетом моей нервной криворукости, это вполне могло случиться. И как не нервничать, если Маргарита всегда смотрит на меня так, будто перед ней чудо-юдо заморское. Не опасное, но, возможно, несущее на своей шершавой полупрозрачной чешуе бактерии неизлечимых болезней.

«И не смей называть ее мачехой, она не заслуживает даже этого», – обычно напутствует бабушка, однако мне бы и в голову не пришло. Да и наше общение с женой отца обычно сводится к паре дежурных фраз.

Еще мне очень важно взять книги, я бы хотела прочитать «Таинственный остров», и на каникулы, как назло, задали изучить начало правления Петра I, Северную войну, реформы XVIII века и развитие промышленности... Я люблю историю, но куда интереснее самой отыскивать истину в многотомниках, чем зубрить короткие абзацы учебника. Нет, я не слишком умная, и учусь в основном на четверки, но в библиотеке никогда не чувствуется одиночество. Там даже маленькая лестница для верхних полок не скрипит, а разговаривает. Во всяком случае, мне так кажется.

– Я позвонила твоему отцу, он наконец-то определился со временем. – Бабушка зашла в комнату и, глядя на мою кровать, многозначительно покачала головой. Но картина бардака выглядела уже намного лучше, я все же смогла выбрать самое нужное и даже сложила футболки стопкой. – Выезжаешь в три, собирайся быстрее. И чтобы пообедала хорошо, а не как обычно. Учти, борщ будет на столе через десять минут.

Бабушка на всякий случай сдвинула брови, но меня так просто не обмануть, она волновалась перед расставанием и скучала на неделю вперед. Подбородок подрагивал, морщины на лбу стали заметнее, глаза поблескивали от подступивших слез, и в них безошибочно читалось: «Если бы твоя мама была жива... Помоги ж тебе Господь».

Сделав шаг вперед, я остановилась и сдержала душевный порыв – подойти и обнять. Бабушка тогда уж точно расплачется, а лучше, если мой отъезд получится простым и бодрым.

Нет, я не устремлялась в другую страну или в другой город, меня не ждали беспокойные моря, огнедышащие горы, безводные пустыни или бескрайние полынные степи, мне всего-то нужно было проехать на метро минут сорок, пройти пешком до нужного дома, подняться на седьмой этаж и нажать кнопку звонка: «Здравствуй, папа...» Вот только с бабушкой мы

расставались очень редко, и в такие минуты как раз казалось, что впереди и горы, и пустыни, и степи...

– Я провожу тебя до Октябрьской, а до Профсоюзной доедешь сама. Не забудь пижаму, которую я тебе сшила, и теплые носки.

– Уже положила. – Кивнув, я показала на пока еще полупустой чемодан.

Самый большой страх бабушки заключается в том, что она может умереть неожиданно от какого-нибудь сердечного приступа, и тогда я непременно попаду в детский дом, где буду голодна и несчастна. Именно поэтому раз в год я отправляюсь к своему отцу. Он не должен от меня отвыкать, бабушка попросту не позволяет ему этого сделать.

Обычно, для нашего общения отец выбирает весенние каникулы, потому что летом – сезон отпусков и поездок в теплые края, осенью нужно хорошенько отдохнуть от лета, а зимой у папы сплошной Новый год. Не до меня.

«Поверь, это лучше, чем ничего, – обычно объясняет бабушка. – Если вы разучитесь разговаривать друг с другом, то... Твой отец непременно откажется от тебя, как только я отправлюсь в рай».

При подобных разговорах бабушка всегда упоминает рай. Наверное, это слово должно меня успокаивать и настраивать на волну умиротворения. Но, потеряв маму семь лет назад, я пришла к выводу, что в теме смерти нет утешения.

В три часа мы вышли из дома. Колесики чемодана действительно гремели безжалостно, и до автобусной остановки удовлетворение не сходило с лица бабушки. Представляя, как она сейчас мысленно разговаривает с моим отцом, я с трудом сдерживала улыбку. Лекции на воспитательные темы обычно границ не знают, и можно посочувствовать тому, кто попался в бабушкины сети.

Раньше я часто задавалась вопросом, как мама могла выйти замуж за такого человека, но однажды поняла: ей стало жаль его. И, честно говоря, ко мне тоже иногда приходит это липучее чувство, оно застревает где-то под ребрами и дергается, точно маленькая рыбешка. Наверное, странно жалеть высокого, крепкого вполне здорового мужчину, но, как говорит бабушка, женщины в нашем роду всегда были понимающими и добрыми.

Я старалась, правда старалась полюбить отца, но трудно испытывать привязанность к тому, кого видишь один раз в год.

– Веди себя прилично.

– Ладно.

– Ешь, все, что дают.

– Хорошо.

– Доберешься, позвони.

– Обязательно.

Я знала, что бабушке потребовалось много душевных сил, чтобы посадить меня в поезд на Октябрьской, развернуться и уйти. Безусловно, она бы хотела проводить любимую внучку до дома, а еще лучше – до квартиры. Но четырнадцатилетнего подростка необходимо постепенно приучать к самостоятельности. Я в книжке про это читала. И там еще было сказано: «... предоставляйте свободу порциями и наблюдайте за реакцией и поведением ребенком». Мои одноклассницы уже давно разъезжали по Москве, и, честно говоря, мне тоже хотелось.

Выбрав место в углу вагона, я села, пристроила к стенке чемодан, бросила короткий взгляд на закрывающиеся двери и нервно улыбнулась. Сейчас я чувствовала себя не только взрослой, но и особенной. Ощущения, которые трудно объяснить словами. Думаю, такое же разноцветное волнение бывает у птиц, когда они совершают свой первый полет. И будто я сейчас вовсе не в метро, а мчусь на поезде дальнего следования в другую страну, где живут увлекательные приключения и магические тайны. Есть же на свете такие места, и однажды одна из дорог наверняка приведет меня в необыкновенные края.

Но пока я направлялась к отцу.

К сожалению, до Профсоюзной очень мало станций, и они кажутся короткими (не успеешь толком ни помечтать, ни подумать). Я всегда знала, что, если бы не настойчивость бабушки, папа давно бы перестал со мной общаться. Но как раз об этом лучше долго не размышлять, а то еще мозги опухнут...

Около подъезда я отправила бабушке смску: «Все в порядке, я добралась», и потянула чемодан к ступенькам. Самое сложное – произнести первые слова. «Здравствуй...» А дальше что? В общении с отцом никогда не получается выглядеть легкой и беззаботной, а хотелось бы. Так же намного легче.

Весна попросила не торопиться, и я притормозила, глубоко втягивая в легкие свежий ароматный воздух. Что меня ждет? Короткие вежливые разговоры, брокколи и шпинат, диван в гостиной, безрадостные прогулки по магазинам, прерывистый шепот отца и Маргариты. Не знаю, почему они всегда шепчутся... Будто их разговоры – это великие секреты. Вовсе нет. Я как-то подслушала, так там ничего незначущая ерунда. Наверное, я автоматически попадаю под сигнал: «Внимание. В доме чужой!», и папа с Маргаритой переходят на военное положение.

– Здравствуй.

– Привет.

– Ты выросла.

– Ага.

Отправив куртку на вешалку, я вспомнила, что папа просил привезти тапочки, и быстро достала их из чемодана.

– Проходи в гостиную, сейчас будем пить чай с пирожными. Я не мог вспомнить, какие ты любишь: шоколадные или ванильные, поэтому купил и те, и другие.

– Большое спасибо.

Папа пошел в кухню, а я какое-то время смотрела ему вслед. Он тоже за этот год изменился: немного пополнел и стал еще более солидным. Даже если бы я не знала, что Андрей Андреевич Овсянников работает директором производства на мебельной фабрике, я бы непременно угадала в нем начальника.

– Добрый день.

Вздвигнув от неожиданности, оборвав ход мыслей, я повернула голову и увидела Маргариту. Она всегда интересно и стильно одевалась, и сейчас белые джинсы и длинная бордовая рубашка подчеркивали ее красоту и молодость. Три года назад, при первом знакомстве, я внимательно сравнивала нас и пришла к выводу, что нет ничего в чем бы мы были схожи. У Маргариты красивая фигура, а я – кожа да кости, у нее прямые черные волосы, а мои... Пожалуй, цвета мокрой глины. У нее большие кукольные глаза, а у меня миндалевидные. Конечно, сравнивать ребенка и двадцатипятилетнюю ухоженную с головы до ног девушку – глупо, но и сейчас картина точно такая же. Нужно признать, я по-прежнему являюсь весьма тощим экземпляром вселенной.

– Добрый день, – ответила я, и убрала прядь волос за ухо.

По лицу Маргариты нельзя было понять, насколько сильно ее огорчил мой приезд: отнеслась ли она к этому как к рядовому кошмару или речь идет о глобальной катастрофе. Хотя, для меня всегда было большим вопросом, испытывает ли Маргарита такие же чувства, как я и другие люди на планете Земля? Пока не приходилось видеть ее рассерженной или, наоборот, веселой. Но самое удивительное, что жена папы – практикующий детский психолог, и при этом она никогда не улыбается. Хотя, возможно, Маргарита – специалист по тяжелым случаям.

– Дина, мой руки и иди к столу! Марго, ты чай будешь?! – донесся с кухни голос отца.

– Сделай зеленый, я присоединюсь к вам минут через пять, – ответила она, развернулась и скрылась за дверью спальни.

Я не знала, как поступить с чемоданом. При встрече отец обычно говорил: «Мы освободили полку в шкафу, переложи свои вещи». Но сейчас слова не прозвучали, и отчего-то сердце кольнула тревога.

«Колесики грязные, чемодан точно нельзя тащить в комнату», – пронеслась разумная мысль.

От волнения разыгрался аппетит, пирожные оказались вкусные, и я с удовольствием съела три штуки. Маргарита молча пила чай (насколько я знала, она придерживалась правильного питания, и сладкое вообще не ела), папа пил крепкий кофе, к бисквиту на блюде он так и не притронулся.

– Какие у тебя оценки? Троек нет?

– Пока нет.

– Думаешь, скоро будут?

– Английский мне дается с трудом...

Папа остановил на мне осуждающий взгляд и покачал головой. Только сейчас я заметила, что его виски начали седе́ть, а брови стали значительно тяжелее.

Тройка по английскому мне вовсе не светила, я даже не знала, почему соврала. Быть может, мне хотелось услышать слова поддержки или помочь отцу с продолжением разговора...

– В нашем роду не было троечников, надеюсь, ты меня не разочаруешь, – выделяя слова, произнес папа и добавил: – Жизнь – штука сложная, и, как известно, выживает сильнейший.

После чаепития я достала из чемодана книгу и устроилась в гостиной на диване. В квартире стояла тишина, и вероятность того, что обо мне вспомнят до ужина, настойчиво стремилась к нулю.

«Самые худшие каникулы в году, – тяжело вздохнув, подумала я, переворачивая страницу. – Скорей бы пролетела эта неделя».

Раньше я пыталась ругать себя за подобные настроения, но теперь вообще не было стыдно. В доме отца и Маргариты мне всегда было холодно, я даже спала в носках, натянув одеяло до подбородка. И этот холод не имел ничего общего с температурой воздуха.

Отец зашел в гостиную через полчаса, и по его сжатым губам я сразу поняла, что предстоит непростой разговор. «Наверное, опять всплывет тема оценок... Нужно было сказать, что дневник буквально сияет от пятерок, и учителя не перестают меня хвалить».

Усевшись ровнее, я сделала вид, будто не чувствую напряжения, но позвонки заныли, а интуиция прошептала: «Готовься...»

– Читаешь? Молодец! – произнес папа с незнакомой и потому неожиданной легкостью. Подхватив стул, он поставил его рядом с диваном, сел и положил ногу на ногу. – Хочу с тобой поговорить, но сначала пообещай, что ничего не расскажешь бабушке. Мария Петровна может разволноваться, а мы же с тобой не хотим, чтобы ее мучило повышенное давление. Правда? Ты уже взрослая и сама вправе принимать многие решения. – Подавшись вперед, папа приподнял брови, точно желал поторопить меня, и уточнил: – Обещаешь?

Наверное, используя наигранный дружеский тон, он пытался меня приободрить, но перемена была настолько удивительно-странной, что я, наоборот, испугалась. А ответ я могла дать лишь один, особенно если учесть, что любопытство потихоньку начинало ерзать в душе.

– Да.

– Отлично! – Откинувшись на спинку стула, папа неторопливо провел ладонью по волосам и продолжил уже другим тоном, спокойным и деловым: – Видишь ли, Дина... – Он немного помолчал, будто подбирал слова. – Маргарита готовит большой и важный проект, и это, бесспорно, огромная ответственность и не менее огромный труд. Речь идет об участии в международном форуме, думаю, ты представляешь масштабы подобного мероприятия. И сейчас Маргарите нельзя отвлекаться или тратить время на что-либо другое... К тому же, когда внимание сконцентрировано, любой шум становится досадным раздражителем и расшатывает нервную

систему. Естественно, это происходит само собой, и виноватых нет ни с той, ни с другой стороны. Мы с тобой должны понять, в какой ситуации находится Маргарита, и даже, как близкие люди, обязаны ее поддержать. Но что возможно сделать, как поступить правильно? – наклонив голову набок, папа вопросительно посмотрел на меня и сразу сам дал ответ: – А мы можем создать Маргарите комфортные условия для работы.

– Да, конечно, – на всякий случай произнесла я, гадая, в какую сторону потянется разговор дальше. Если нужно, я могу точить карандаши, отвечать на телефонные звонки, печатать большие и маленькие тексты, но очень трудно представить, что хоть какое-то мое участие потребуется Маргарите. А вести себя тихо – без проблем, да меня особо никогда и не слышно.

– И так случилось, что у тебя есть прекрасная возможность помочь сразу двум людям. Дело в том, что у Ларисы Григорьевны, моего заместителя, есть сын. Вчера он уехал по своим археологическим делам... Далеко. Не помню точно куда... – Отец нахмурился, а затем шумно выдохнул и нервно махнул рукой. – Не важно. В его квартире есть цветы, их нужно поливать. И еще осталась канарейка... или кенар... Короче, птицу нужно кормить. Я предлагаю тебе пожить у сына Ларисы Григорьевны. Уж она тебе будет очень благодарна! Ездить через всю Москву и ухаживать за канарейкой ей весьма затруднительно. И, если ты согласишься, Маргарита сможет готовить проект в абсолютной тишине, ничто не помешает ей сосредоточиться. На мой взгляд, это отличное предложение, ты наверняка давно мечтаешь о самостоятельности. Каникулы же созданы именно для того, чтобы отдыхать. Вот и отдохнешь от школы и взрослых. – Папа улыбнулся, будто на меня действительно свалилась удача, и спросил: – Так что мне ответить Ларисе Григорьевне? Ты согласна?

Хотела бы я видеть свое лицо в этот момент. Наверное, оно вытянулось и стало походить на дыню, глаза округлились, а кожа от душевного потрясения покрылась красными пятнами. Папа отправлял меня жить в чужую квартиру. Одну... И я догадывалась в чем тут дело. Он редко со мной общался и, похоже, пропустил тот момент, когда я выросла и перестала быть ребенком, которого легко обмануть. Теперь я умная. Ну, почти.

Голодная канарейка.

Вообще-то, Лариса Григорьевна могла бы забрать ее к себе домой, чтобы не тратить время на дорогу. Или, в крайнем случае, я бы могла съездить к ее сыну и покормить птицу. А потом бы вернулась.

Сердце уколола боль обиды: папа, скорее всего, заранее взял ключи, а в соседней комнате Маргарита с нетерпением ждала, когда же я уберусь из квартиры. Поэтому мне и не предложили разобрать чемодан.

– Да, согласна, – ответила я и добавила тише: – канарейки, наверное, много едят, и их нужно часто кормить.

* * *

Петербург. Далекое прошлое...

Соня понимала, что лучше бы зажмуриться и именно так, в темноте, принять боль. Но ледяной взгляд Лешки, кривая едкая усмешка на его тонких губах парализовали и закрыть глаза не получилось.

Она много раз видела, как Соловей, не слишком раздумывая, размахивался и молниеносно бил в ухо, плечо, живот или в грудь... И вот теперь пришел ее черед узнать силу удара. Лешка худой, как и все попрошайки, но такое чувство, будто внутри у него не вены, а прочные веревки, а мышцы – из камня и металла.

«Бей! Скорее бей! Я не могу больше ждать!» – отчаянно пронеслось в голове, и Соня сжала губы, стараясь сдержать рвущийся на свободу страх.

На чердаке стояла звенящая тишина и, наверное, именно поэтому голос Прохора прозвучал оглушающе:

– Какого дьявола?! Что встали и рты раззявили?!

Соня не сразу поняла, что ее, лежащую на полу, с лестницы не видно. Да и маленькие попрошайки давно повскакивали со своих мест и встали полукругом, чтобы лучше видеть Соловья и его очередную жертву.

– Поднимайся, – тихо приказал Лешка и, схватив Соню за локоть, быстро и ловко поставил ее на ноги. – И даже не думай ябедничать.

Предупреждение было лишним, никто в здравом уме не посмел бы пожаловаться на Соловья. И кому жаловаться? Здесь нет того, кто выслушает, рассудит по справедливости и защитит.

Поймав очередную усмешку Лешки, Соня облизала пересохшие губы, сделала несколько шагов к столу и наконец увидела Прохора. Обычно в это время он уже тянулся к бутылке, его походка становилась нетвердой, длинный нос, покрытый пигментными пятнами, краснел, глаза бегали, речь наполнялась бранными словами. Но сейчас Прохор казался трезвым, и отчего-то это вызвало волнение в груди. Вытянув шею, Соня увидела и Евдокию Семеновну, шествующую за сыном с недовольным выражением лица.

– Насобирали всякий мусор по улицам, – проворчала она, проходя мимо попрошаек. – Ни одной нормальной рожи. Куда уж им петь!

Но Прохор даже не повернулся к матери. Остановившись посреди комнатенки, уперев руки в бока, немного помолчав, он неожиданно гаркнул: «Построились!», и, прочистив коротким кашлем горло, плюнул на пол.

Дети пришли в движение, засуетились, и Соня сама не поняла, как опять оказалась рядом с Лешкой.

– Чего это они вдвоем приперлись, – процедил сквозь зубы Соловей и сморщился, демонстрируя неприязнь. – Лучше б еще пожрать принесли.

«Наверное, выгнать кого-то хотят», – не решаясь ответить вслух, подумала Соня и уловила дрожь в коленях. Да, жили они здесь плохо, но неизвестность, ветер, голод и холод – намного хуже, и очень важно знать, что вечером у тебя обязательно будет крыша над головой.

– А если выгонят? – все же произнесла Соня.

– Ну и пусть.

В отличие от других, Лешка действительно не боялся перемен. Неделию назад он довольно уверенно говорил, что хочет уйти от Прохора. В свои шестнадцать лет он уже успел потрудиться в разных местах, но Соня все же сомневалась, что у Соловья получится устроиться быстро. Несмотря на внутреннюю физическую силу, Лешка тоже выглядел младше своих лет. А на работу всегда можно взять мальчишку почище, покрепче и из нормальной семьи.

– Посмотри на них, – фыркнула Евдокия Семеновна. – Отребье... Жалкое отребье!

Прохор частенько выстраивал их в линию, так ему было легче греметь угрозами и проверять карманы у маленьких попрошаек (вдруг кто запрятал копейку), но сейчас в его глазах не плескалась злость, в них было что-то другое...

– А ну пой, – приказал он, схватив Петьку за локоть.

– Что? – не понял тот и на всякий случай вжал голову в плечи.

– Пой говорю!

– И не тяп-ляп, а старайся, – скрестив руки на груди, потребовала Евдокия Семеновна. Ее почти бесцветные брови встретились на переносице, нос заострился и нетерпеливо задергался.

«Мать Прохора похожа на ведьму, – подумала Соня и, глядя на несчастного Петьку, принялась нервно кусать нижнюю губу. – Неужели мне тоже придется петь?..»

Происходящее казалось более чем странным. Нестройный ряд побирушек дрогнул, раздалось шмыганье носом, кто-то начал икать, белобрысый Родька сделал жалкую попытку запеть, хотя никто его об этом не просил.

– А-а-а, – протянул Петька и, резко замолчав, сам же закрыл рот ладонью. Тот звук, который ему удалось вытащить из впалой груди не имел ничего общего с пением и мелодичностью.

– Так бы и дала тебе сковородой по глупой башке, – со злостью произнесла Евдокия Семеновна, но карие глаза Петьки счастливо засияли. К нему явно потеряли интерес, а что может быть лучше?

Остановившись напротив бедовой Варвары, Прохор раздраженно махнул рукой, что означало: «А теперь ты, да побыстрее!»

– Сейчас она им выдаст... Непременно оглохнут, – тихо и едко предположил Лешка и добавил: – на рынке Варька иногда так орет, что лошади падают, устоять не могут.

Вздернув конопатый нос, без какого-либо стеснения, она притопнула, развела руками и громко запела, глядя на потолочные балки:

– Я сплету, сплету вено-о-очек из трав, к речке быстрой босая пойду-у-у, ой, пойду! Ты плыви, плыви вено-о-очек из трав к милому, к милому моему-у-у...

У Варьки получалось неплохо, и даже душевно, но ее голос был слишком громкий и отчаянный, а умирять его она, видимо, не умела. «Надо иначе», – подумала Соня, вспомнив первый и второй куплеты песни. Когда-то давно, в другой жизни, она довольно долго жила с матерью в небольшой деревеньке, вблизи трех озер. И по утрам эти строки напевала хозяйка дома – молодая высокая вдова Катерина. Она неторопливо одевалась, собираясь с утра подоить корову, и пела так, что у Сони наворачивались слезы. Наверное, Катерина очень часто вспоминала покойного мужа, и поэтому каждое слово было наполнено особым чувством.

– Хватит, – резанул Прохор и посмотрел на мать.

Евдокия Семеновна оценивающе оглядела Варьку и спросила:

– А тише можешь, чего орешь-то?

– Неа, – ответила та и мотнула головой. – Не могу.

– А ты попробуй.

– Да не умею я.

– Спрашивай только с девчонок, – повернувшись к Прохору, сказала Евдокия Семеновна. – От них хоть какой-то толк есть.

Не дожидаясь, когда сын выберет следующую «певицу», она остановила взгляд на Соне, помедлила, а затем решительно направилась к ней.

– Не вздумай хорошо петь, – прошипел Лешка. – Кто их знает...

Обогнав мать тремя огромными шагами, Прохор положил тяжелую руку на плечо Сони и прищурился. Ей сразу захотелось отступить назад, чтоб вынырнуть из собственного страха и едких запахов исходящих от этого неприятного человека, но, увы...

– Чего молчишь? Давай!

Наверное, нужно было прислушаться к предупреждению Соловья, но теплое детское воспоминание сжало сердце, и слова почти сразу зазвенели в тишине, разгоняя мрак и тоску чердака.

– Я сплету, сплету веночек из трав, к речке быстрой босая пойду...

Уже через несколько секунд на лице Евдокии Семеновны появилась довольная масляная улыбка. Отодвинув сына в сторону, она заглянула Соне в глаза и, дождавшись начала второго куплета, четко произнесла:

– Хватит.

– Я отдам ее. Подходящая, – торопливо сказал Прохор и облизал губы, будто только что поймал диковинную птицу, и теперь она принадлежала только ему.

– Подожди... Помыть девчонку надо. Сначала я ее в баню отведу, а потом уж к старухе потащишь. – Схватив Соню за руку, Евдокия Семеновна потянула ее к лестнице. – И не вздумай продешевить, где еще она такую сиротину найдет!

В груди задрожал испуг, тело ослабло, промелькнуло хмурое лицо Лешки Соловья, под ногами жалобно закрипели ступени, точно им хотелось спросить: «Куда ты, Соня, куда?..» Но ответа на вопрос не было.

Глава 2

Мы покидали квартиру так, точно с минуты на минуту мог вспыхнуть пожар. Маргарита не вышла попрощаться. Отец подхватил чемодан, и уже через мгновение мы оказались на лестничной площадке. Сердце билось неистово, и по пути к лифту я старательно замедляла шаг, боясь споткнуться и упасть. Не знаю, откуда налетело волнение, еще совсем недавно я была сдержанной и рассудительной (если не считать вспышку удивления от новости, что мне придется жить в чужой квартире), но теперь...

– Заедем в магазин и купим необходимое: молоко, хлеб, сыр, колбасу, яйца, какие-нибудь котлеты, масло... Я навещу тебя послезавтра. Телевизор там есть, найдешь чем заняться.

Кивнув, я почувствовала, как под ребрами дернулась совесть. Да, я должна была позвонить бабушке и рассказать правду, но к чему бы это привело? К самому обыкновенному скандалу. Папа обязательно бы обиделся на меня, и потом пришлось бы подбирать слова, тяжело вздыхать, демонстрируя сожаление и раскаяние, и долго извиняться. Меня бы упрекнули в незрелости, слабости, глупости, вранье и наверняка в чем-то еще – болезненном и колючем. И бабушка тоже оказалась бы в незавидном положении: сильно поругавшись с моим отцом, она, месяца через два, начала бы придумывать поводы для телефонного звонка и примирения. И я знаю, что от этого ей было бы противно.

В магазине на папу вновь нахлынула бодрость, он вовсе не ограничился обычными продуктами, и в сетчатую тележку отправились: зефир, газировка, шоколадные конфеты, карамельные хлопья для быстрого завтрака, вареная сгущенка, ананас...

– Хотел бы я так отдохнуть, – широко улыбнулся он около кассы, и я вспомнила еще одну главу из книги про детскую психологию. «Не старайтесь купить лояльность подростка дополнительными сладостями. Во-первых, хитрость будет понятна, перед вами уже не семилетний ребенок. Во-вторых, в этом возрасте организм работает иначе, и, возможно, на данном этапе больший интерес вызывает не сахар, а соль».

Мой организм пока еще положительно относился к ореховым плиткам шоколада, и я солгала бы, если сказала, что маринованный огурец – это лучшее изобретение человечества. Мысли о газировке перечеркнули волнение, я с нетерпением ждала того момента, когда смогу разобрать пакеты. Отвоеванные у судьбы вкусы, без сомнения, помогут устроить пир на весь мир.

Желая скоротать время, в машине я сразу уткнулась в мобильник и принялась читать статьи о канарейках. Кто знает, может, информация мне пригодится. И, наверное, нужно подружиться с птицей, все же целую неделю нам предстоит провести вместе.

«Домашняя канарейка питается семенами растений... в период гнездования еще и насекомыми... Самые распространенные – желтые канарейки... некоторые экземпляры имеют хохолок и перьевые завитки... Птицу можно научить красивому пению, она способна подражать звукам... Самец выдает очень длинные переменные мелодии... В дореволюционной России канарейки пользовались особым спросом... скупщики приобретали самок от двадцати до сорока копеек за штуку, самцы же, из-за способности к красивому и долгому пению, стоили значительно дороже – от трех до четырех рублей... Молодых самцов отсаживали от самок и обучали пению...»

– Канарейка какого цвета? – спросила я, отрывая взгляд от телефона.

– Понятия не имею, – отец пожал плечами, взял правее и свернул во дворы. – Клетку нужно чистить два-три раза в неделю, корм лежит на столе в комнате. Так сказала Лариса Григорьевна. Вот видишь, ничего сложного.

– А как зовут птицу?

– Э-э... Я не спросил. Если для тебя это действительно важно, то позже позвоню и узнаю. Посмотри, вот продуктовый магазин, завтра или послезавтра ты сможешь здесь купить свежий хлеб и... – Папа замолчал, видимо раздумывая над тем, что еще может понадобиться. В багажнике лежали два пухлых пакета с продуктами, и еды было навалом. – Я оставлю тебе тысячу, сама решишь, на что потратить. Кстати, я буду звонить каждый день, и мы обязательно сходим в кино... Да, в кино. – В голосе отца прозвучало сомнение, точно он прикидывал, а найдет ли он время для обещанного. – У тебя же есть книги? Очень хорошо. Отдыхай и читай – в твоём возрасте это главное.

– А как зовут сына Ларисы Григорьевны?

– Матвей. Но я уже говорил, тебе не придется с ним общаться, он уехал.

– Помню. Просто... м-м... я подумала, странно не знать имя человека, в квартире которого собираешься жить. А он не будет против?

– Лариса Григорьевна, конечно же, спросила разрешение у сына. Не беспокойся, ему все равно, он не так уж и часто бывает дома. Молодежь... молодежь... – Папа осуждающе вздохнул и остановил машину около подъезда. Видимо, профессию археолога он не одобрял, и я отчего-то сразу подумала, а не стать ли мне точно такой же искательницей сокровищ? – Вот и приехали, выходи.

Мы поднялись на десятый этаж и подошли к темно-зеленой двери с номером квартиры – сорок два. Папа открыл оба замка и пропустил меня вперед. Коридор оказался узкий и длинный, и это сразу понравилось: именно такую планировку я встречала на фотографиях отелей. Воображение уже неслось вперед со скоростью света, и я с трудом поспевала за ним. Не хотелось думать, что это чья-то квартира, лучше же представлять, будто я в другом городе и остановилась на пару дней в отличном номере.

– Пакеты ты вполне можешь разобрать без меня, раз уж теперь ты такая самостоятельная, – улыбнулся папа, оставляя их возле шкафа. – Не сори, посуду мой сразу, вещи не разбрасывай. – Вынув из кармана пиджака портмоне, он достал тысячу рублей и положил ее на узкую высокую тумбу, заставленную маленькими деревянными фигурками. – Устраивайся, а мне уже нужно возвращаться, Маргарита просила купить витамины. Умственная работа требует не меньше сил, чем физическая. Впрочем, ты это поймешь, когда поступишь в хороший институт или университет.

Папа не осмотрел комнаты, не выпил чая с печеньем, не показал, на каком диване или кровати можно устроиться. Быстро поцеловав меня в висок, хлопав по плечу, он коротко сказал: «Скоро увидимся», и ушел, прикрыв за собой дверь. Около минуты я стояла неподвижно, представляя его серьезное лицо с высоким лбом, тяжелыми бровями, крупным носом... Но потом послышалось отдаленное пение птицы, и я тряхнула головой, торопливо прогоняя тягостные мысли. Каникулы слишком короткие, их категорически нельзя тратить на уныние.

Первым делом я зашла в комнату, из которой доносились неугасаемые мелодичные перебивы. Включила свет, сделала несколько шагов к старомодному круглому столу, занимающему приличное место около окна, и замерла, сфокусировав взгляд на клетке.

– Оранжевый, хохлатый... – тихо произнесла я, чувствуя себя профессором-орнитологом. – И, конечно, кенар. Девочки, если верить интернету, так петь не могут. Эй, тебя как зовут?

Птица замолчала, легко перепрыгнула на соседнюю ветку и посмотрела на меня так, точно мы были знакомы как минимум сто лет.

* * *

Петербург. Далекое прошлое...

Соня и не предполагала, что за последние месяцы к ней прилипло столько грязи. После бани внимательно посмотрев на свои руки, она обнаружила ручейки бледно-голубых вен под светлой кожей и коротко вздохнула. Были времена, когда она жила гораздо лучше: ела сытнее и чаще, носила не лохмотья, а добротную одежду (пусть и ношенную кем-то ранее, купленную на одной из ярмарок). Но это было давно, лет пять назад, тогда ее мать не пила и даже подумывала осесть в одной из деревень. Хотя, наверное, воображение сейчас искажает картины прошлого, растягивает дни, добавляет тепла и света. Не особо длинными были те периоды жизни (месяц, два?), и трудно вспомнить подробности, их раздавили последующие лишения и лед одиночества.

Под ногтями тоже виднелась синева, и это очень не понравилось Евдокии Семеновне.

– Тошная... Ох, тошная... И бледная как вчерашняя покойница... Дня три бы тебя на мясе подержать, уж поди зарумянилась бы тогда. А ну потри щеки. Да не желей, три и щипай их сильнее!

Соня принялась щипать щеки, но пальцы не слишком-то слушались. Из-за нервной дрожи, бегущей по телу, трудно было стоять ровно, а уж что говорить об остальном. Жизнь вновь менялась, и стоило ли надеяться, что в лучшую сторону? «Зачем же я пела, зачем! Какая я глупая...»

Прохор ждал около небольшого магазинчика. Нетерпеливо расхаживая вдоль стены, украшенной трещинами и шелухой облупившейся краски, он нервно приглаживал длинные волосы и поглядывал то на небо, но на полки с посудой в витринном окне, то на проезжую часть.

– Наконец-то, – недовольно выдохнул он и сразу схватил Соню за руку. – Чистая... Да, так она выглядит гораздо лучше.

– Не протешев. И помни: половина моя! Я твоих побирушек кормлю и терплю целыми днями, должок пора бы и отдать.

– Не волнуйся, получишь половину, я свое слово всегда держу.

– Не смей!

– Сказал – отдам, значит, отдам! – Прохор начал раздражаться, пигментные пятна на длинном носу запрыгали, губы скривились. Он не любил выслушивать затяжные нравоучения, и было видно, как ему хочется поскорее уйти. – Нам пора, как бы дело не сорвалось... – Не попрощавшись с матерью, Прохор резко развернулся и дернул за собой Соню. С каждой секундой его шаг ускорялся, на лице появилась ледяная победная улыбка. – Скорее, скорее, – произнес он тихо, точно потирая себя и время.

– И немедленно возвращайся! Слышишь?! – донесся требовательный голос Евдокии Семеновны.

Но Прохор не ответил, мысленно он явно был уже далеко.

Соня мало понимала происходящее, но с каждым шагом в голове все ярче и ярче вспыхивала догадка: «Меня продают?» А уж потом, ближе к рынку, начали кружить другие вопросы, более бледные, но настойчиво дребезжащие и тоже пугающие: «А кому?», «Интересно, сколько я стою?», «Неужели я больше никогда не увижу Петьку и Соловья?..», «Останусь ли я жива?!»

Около первых рыночных лотков в глазах от страха потемнело, но Прохор не собирался останавливаться, он уверенно шел дальше, то хмурия брови, то улыбаясь. Полы его длинного поношенного пальто развивались и хлопали, точно крылья черного ворона.

– Где один, там и второй... Что ж я раньше не додумался... Ничего, налажу торговлю, и пойдет как по маслу... Это ж какие деньжища можно иметь... Сообразить бы, куда еще кого пристроить... Отребья на улицах полно, найти не проблема... – отрывисто бормотал он, глядя под ноги.

Действительно, «отребья» на улицах было полно, и именно поэтому Соню удивляло: а кому, собственно, она могла понадобиться? Иногда, конечно, детей забирали в семьи, но за

сиротами обычно отправлялись в приют... Лешка Соловей говорил, что усыновления и удочерения частенько заканчиваются трагически: приемные родители в его рассказах оказывались или голодными людоедами, или древними вампирами. Верить историям Соловья не хотелось, но на обмане его никто никогда не ловил.

Широкая улица сменилась переулком, затем вновь появились высокие дома и проезжая часть. Разноцветной змейкой потянулись небольшие лавки-магазинчики и мастерские, сначала запахло карамелью и корицей, а потом в нос влетел едкий запах краски. Казалось, путь бесконечен, но на втором перекрестке Прохор остановился, да так резко, что Соня ойкнула и прикусила язык. Дверь скрипнула, звякнул колокольчик, в глазах на мгновение потемнело от очередного приступа страха, но затем густой желтый свет разогнал темноту, и удивление заставило сделать маленький шаг.

Соня оказалась в небольшой простой и чистой комнате, которую буквально разрезал на две части темно-коричневый прилавок. Взгляд выхватил серые полосы стен, белые кружевные салфетки, глиняные горшки, разросшуюся около окна герань, наполненную до краев конфетами бледно голубую вазочку... Но эти островки обычной жизни вспыхивали и мгновенно гасли, потому что в магазинчике было то, что окружало и волновало, что заставляло сердце биться чаще и лишало остатка сил.

На полках, устроенных везде, где только можно, на высоких круглых столиках и на том самом прилавке стояли совершенно разные клетки (большие, маленькие, круглые, квадратные, золоченые, серебряные), и в них беспокойно сидели яркие птицы: желтые, оранжевые, пестрые. У Сони закружилась голова от щебета и торопливого движения вокруг, ей захотелось закрыть глаза и зажать уши, а еще бы лучше – выбежать на улицу и броситься обратно к Петьке, Лешке Соловью, бедовой Варьке, Кольке, Наташке и к другим маленьким побирушкам. Слишком много на нее навалилось в один день, слишком много...

Но она сделала глубокий вдох, выдох и устояла на месте. Картинка успокаивалась, птицы уже не мелькали перед глазами, и их щебет постепенно выстраивался в пусть и запутанную, но все же мелодию.

– Мы пришли! – гаркнул Прохор, и Соня автоматически подняла голову, чтобы понять выражение его лица. Уверенность, самодовольство, жадность, нетерпение и абсолютное равнодушие к ней. Ничего нового. – Эй! Я привел девчонку, пора бы обсудить наши дела!

Дверь справа от прилавка медленно отворилась, и в тесной комнатке магазина появилась маленькая сгорбленная старушка лет семидесяти. Впрочем, Соня лишь весьма приблизительно могла определить возраст – сетчатые, точно паутина, морщины, берегли тайну своей хозяйки. Как вуаль они умело скрывали прошлое и настоящее.

«Я останусь здесь...», – угадала Соня и сделала попытку прочувствовать: добрая перед ней женщина или злая. Но во внешности старушки было слишком много противоречий, мешающих узнать правду. Простая опрятная светлая одежда, чепец в мелких цветочках рисунка... Но крючковатый нос, почти спрятанные под нависшими веками бегающие глазки, дрожащий подбородок... Кажется, гневно дрожащий. И абсолютное спокойствие в движениях. А еще туфли... Загадочные и уж точно дорогие. Из зеленого бархата, с блестящими пряжками, усыпанными разноцветными камушками, и широкими атласными лентами, завязанными на тонких щиколотках крест-накрест. Длина юбки позволяла увидеть туфли, будто пожилая владелица магазина хотела показать их всему миру.

– Вечер добрый, – тихо и немного скрипуче произнесла старушка, не глядя на Прохора. Ее внимание было приковано к Соне. – Больно худая и синяя... Нездорова что ли? – уточнила она резко.

– Здорова! По городу бегают с утра до ночи! Пусть споет, ты же певунью просила.

– А ну спой, деточка. – Старушка подошла к Соне совсем близко и прищурилась, отчего глаза превратились в две тонкие щелочки. – Выбери песню протяжную и медовую, тогда я

смогу лучше оценить твой талант, – добавила она с усмешкой, продемонстрировав при этом отсутствие верхнего зуба. Остальные же зубы, как ни странно, были ровные и крепкие.

– Пой, – требовательно произнес Прохор и слегка толкнул Соню в спину.

Это был еще один шанс воспользоваться советом Лешки и спастись, но старушка смотрела так пристально, что заныла спина, и против воли слова вырвались из души и полетели вдоль полка к окну. Туда, где виднелась улица, где жила свобода.

– Я сплету, сплету веночек из трав, к речке быстрой босая пойду... – пела Соня, еле сдерживая слезы. Лоб вспотел, пальцы сжались в кулаки, в глазах потемнело и срочно потребовалось хоть что-то, способное отвлечь от мучительных переживаний и спасти. Стараясь убежать от взгляда старушки, Соня чуть повернула голову влево и увидела невысокую клетку с закругленными углами, в которой сидела оранжевая птичка со странным хохолком на голове. – Ты плыви, плыви веночек из трав к милому, к милому моему... – Птичка ловко прыгнула на соседнюю ветку, замерла, вытянула голову и вдруг подхватила пение Сони, да так умело, переливисто и звонко, что дух захватило.

– Я беру ее, – раздался тихий, но уверенный голос старушки. – Деньги отдам сразу, и не вздумай возвращаться за девчонкой. Она теперь моя.

Глава 3

Трудно чувствовать себя комфортно на чужой территории, и я дала себе час на привыкание. Сначала небольшая экскурсия по комнатам, затем чай с ванильным зефиром и шоколадкой, а уж потом можно развалиться с книгой на каком-нибудь диване и торжественно объявить начало каникул.

Я бодрилась, стараясь не признаваться в том, что мне уже мерещатся странные скрипы, и вроде где-то капает вода... Или тоже кажется?

– Пожалуйста, спой еще, – попросила я оранжевого кенара, но он в ответ промолчал. Маленькие глазки-бусинки смотрели внимательно, и я постаралась не делать резких движений, чтобы не напугать птицу. – Ладно, я не настаиваю, думаю, мы подружились бы гораздо быстрее, если бы я знала твое имя, но увы. Так... проверим... корм у тебя есть... Кстати, мне еще надо отыскать цветы, я обещала их поливать. Знаешь, если бы я была археологом, то, пожалуй, никого бы не заводила. Это все же ответственность. Наверное, я кажусь тебе занудой, но... Честно говоря, мне совсем не хочется быть похожей на отца, впрочем, ты не поймешь, о чем я. Или поймешь, потому что тебя тоже часто бросают. – Я огляделась, но ни на подоконнике, ни на комод, ни на шкафу цветов не обнаружила, скорее всего, они находились в другой комнате. – Что ж, начнем обход моих новых владений...

Захватив в коридоре пакеты с продуктами, я устремилась в кухню. Кухня – это то сказочное место, где всегда тепло и уютно, где часто пахнет пирогами (если, конечно, у вас есть замечательная бабушка, которая их мастерски печет). На мгновение мне нестерпимо захотелось оказаться дома, и, наверное, я погрузилась бы в печаль минут на двадцать, если бы не увидела на подоконнике в самом обыкновенном коричневом горшке... кактус. Высокий, тощий, напоминающий обглоданную собакой палку.

– А вот и цветок, – выдохнула я, опуская пакеты на пол. – Нда... Без меня он бы точно загнулся. Всем же известно, что кактусы – растения весьма прихотливые.

Разобрав сумки, я нажала кнопку чайника, села на стул и вытянула ноги. Чувства менялись, по душе разливалось тепло, и очень хотелось задержать его, чтобы минусы моего положения окончательно и бесповоротно стерлись. Я свободна. От всех и от всего. Где-то там, за окном, несутся автобусы и машины, мелькает мир взрослых, а здесь... Бледно голубые стены, серые шкафчики с серебристыми матовыми ручками, люстра, похожая на половину большого футбольного мяча, ножи в подставке, темно-синяя сковородка на плите, серое клетчатое полотенце на крючке, банка кофе...

«Очень тебя люблю. У меня все отлично», – быстро написала я бабушке и положила мобильник на край стола. Дождаться чайника я не стала, острое желание обследовать все, подтолкнуло меня к решительным действиям.

Открыв дверь второй комнаты, я включила свет и огляделась. Конечно, отправляясь в командировку, Матвей не думал о том, что в его квартире вскоре окажется незнакомая четырнадцатилетняя особа, которой ни с того ни с сего захочется сунуть нос в чужую жизнь. Быть может, он бы застелил кровать, убрал с письменного стола горку фантиков, поднял бы с пола носки. Я бы не сказала, что здесь царил беспорядок, вовсе нет, но создавалось впечатление, будто хозяин квартиры не уехал в дальние дали, а вышел минут на пятнадцать в соседний магазин за хлебом. И я почувствовала сразу – именно эта комната является особым личным пространством Матвея, где его устраивает абсолютно все: и мягкий ворсистый ковер цвета слоновой кости, и широкое кожаное кресло, и плотные фиолетово-черные шторы, и старомодный светильник на прикроватной тумбочке, и огромный тончайший телевизор на стене.

Медленно двинувшись по периметру комнаты, я коснулась зеркальной дверцы шкафа, корешка одной из книг на полке, круглого будильника, остановившего свой ход (а может,

остановившего время, почему бы и нет?), и замерла около стула. На его спинке небрежно висела белая рубашка. Если бы меня спросили, какие цвета ассоциируются с археологией, я бы выбрала черный, коричневый, темно-серый, болотный... Но только не белый! Профессия же оставляет отпечаток на характере и привычках человека. Искатели древностей слишком много дней проводят на раскопках, они должны отдавать предпочтение темной немаркой одежде.

Я уже хотела отправиться дальше, но почему-то притормозила, взяла рубашку и поднесла ее ближе к лицу. Настойчивый аромат мужского парфюма влетел в нос, и я быстро опустила руки, чувствуя непонятное волнение в груди. Ощущение, будто за мной кто-то наблюдает, обожгло спину, я резко обернулась, вздохнула и усмехнулась. Какая глупость... Я одна в квартире, если не считать оранжевого кенара и тощий кактус.

Стол был почти пуст. Черная настольная лампа, черная подставка с одним карандашом и двумя ручками, ноутбук, какие-то бумажки... В углу стеклом вниз небрежно лежала фоторамка, и мой взгляд сразу прилип к ней, что было вполне объяснимо. Стол чистый, а вокруг фоторамки и на ней самой – обыкновенная пыль, будто эта часть столешницы застряла в прошлом.

«Матвей положил ее так, или даже швырнул и теперь не хочет прикасаться... Да. Возможно».

Медленно протянув руку, даже не борясь с любопытством, я сделала одну попытку угадать, что увижу, но мысли смешались, не предложив ничего интересного.

Гладкая глянцевая фоторамка блеснула, точно хотела спросить: «Ты уверена?», и сначала по пальцам, а затем и по руке вверх побежал холодный ручеек беспокойства.

– Ну, – приободрила я себя.

С фотографии на меня смотрели двое – он и она.

Оба веселые и счастливые. За спинами – голубая полоса моря и почти белое, засвеченное солнцем, безоблачное небо.

Он обнимает ее, а она, подняв руки вверх, чуть щурится и улыбается широко, демонстрируя идеальные зубы. Длинные светлые волосы лежат на плечах и касаются ярко красного купальника, украшенного на тонких завязках большими белыми бусинами. Девушка с обложки глянцевого журнала – роскошная и независимая. А он...

– Это точно Матвей, – прошептала я, интуитивно угадывая хозяина квартиры.

Не знаю, на чем основывалась моя уверенность, археологов я представляла несколько иначе (старше, мрачнее и отчего-то гораздо ниже ростом), но я бы поспорила с кем угодно, что на фотографии – Матвей. Высокий, стройный, мужественный, красивый, похожий на путешественника. Пожалуй, на мореплавателя, привыкшего держать сильными руками штурвал и бороться со стихией. Быть может, длинные волосы, зачесанные назад, и короткостриженная борода натолкнули меня на такое сравнение.

Аккуратно вернув фоторамку на прежнее место, положив ее так же стеклом вниз, я отошла от стола и попыталась прогнать образ Матвея, но не получилось. Если раньше сын Ларисы Григорьевны казался несуществующим, почти мифическим персонажем, то теперь наоборот, обрел слишком четкие черты. Мне нестерпимо захотелось узнать о нем больше.

«Эй, тебе не стыдно?! – попробовала я образумить себя. – Проникла на чужую территорию и суешь нос куда не следует. Ты же не в музей пришла, где положено рассматривать экспонаты, думать, анализировать и запоминать...»

Да, самое лучшее, что я могла сделать – это быстро покинуть комнату, но ноги понесли к шкафу, и через секунду я остановилась напротив зеркальной дверцы.

– И что ты собираешься делать? – спросила я отражение.

«Загляну разок и все».

– Зачем?

«Просто интересно, какую одежду он предпочитает».

подавив острое желание: вернуться к столу и вновь рассмотреть фотографию, я открыла дверцу и сразу увидела ряд вешалок, на которых висели выглаженные светлые рубашки и пуловеры. Не знаю, отчего я улыбнулась, быть может от того, что сын Ларисы Григорьевны оказался не таким, как я представляла. И еще интуитивно я почувствовала, что в квартире полно тайн, нужно их только найти...

«Хватит уже, иди пей чай!»

Я засмеялась, и уже хотела закрыть шкаф, но взгляд скользнул вниз, под вешалки, и остановился на большом прозрачном пластиковом ящике, плотно закрытым крышкой. Конечно, для продолжения небольшой экскурсии я бы предпочла встречу со старинным сундуком или хотя бы с пыльным мешком, но, увы.

«Интересно, что там?..»

Оглянувшись, точно меня могли поймать за недостойным занятием, я медленно опустилась на корточки и попыталась разглядеть упакованные вещи.

Какая-то куча-мала...

Ничего не понятно...

Барахло всякое...

Но неожиданно сердце забилося сильнее, а мышцы, наоборот, ослабли, будто неведомая гипнотическая сила потянула меня в сон. Да, странная сила потянула, но организм ответил отказом и начал настойчивое сопротивление.

«Открой крышку», – раздался в голове незнакомый скрипучий голос, и я вздрогнула, ловя быструю волну колючих мурашек. Волна пронеслась вниз по спине, раздвоилась и скользнула по ногам, оставляя после себя неприятные ощущения. Наверное, это взбунтовалась совесть, нельзя же так настойчиво и бессовестно лезть в чужую жизнь.

– Нет. – Резко поднявшись, уловив короткое головокружение, я убрала руки за спину.

«Открой крышку».

Я всегда доверяла интуиции, много раз она помогала мне в трудных ситуациях, спасая от мелких и крупных неприятностей. Однако сейчас в душе боролись одинаковые по значимости желания. По какой-то причине (и дело было вовсе не в любопытстве) я должна была заглянуть в ящик и... И не должна.

– Просто большая пластиковая коробка, ничего особенного, – прокомментировала я и вновь опустилась на корточки. Казалось, крышка тяжелая и, наверняка, держится на каких-нибудь зажимах, но стоило подковырнуть край большим пальцем, и она легко подпрыгнула, издав короткое: «пум!».

Я знала, как пахнут старые вещи, но это был совсем другой запах: еле слышный, сухой, бархатистый, древесный, глинистый и зыбучий. Он тянул к себе и не отпускал, обещая радости и горести одновременно. В моем воображении так могли пахнуть лишь древние тайны, разгадать которые уже никто никогда не сможет.

Сдвинув крышку, я сначала коснулась облупившегося края расписной тарелки, потом внимание привлекла корявая глиняная фигурка человека с черными черточками на животе, а затем взгляд остановился на темно-зеленом горлышке бутылки, торчащей из кучи всячины. Горлышко было запечатано потрескавшимся темным сургучом или чем-то похожим на сургуч. И вот мысль: «А что внутри?» мгновенно просверлила мозг и заняла в затылке.

Осторожно потянув за горлышко, я вытащила пузатую бутылку, издала взволнованное: «Уф...», медленно поднялась, давая ногам отдых, подошла к столу и включила настольную лампу. Часть света прошла сквозь стекло, и я уже приготовилась узнать первую тайну, но...

На дне ничего не было.

Бутылка оказалась пуста.

«М-м... Зачем тогда ее запечатали?..»

– Странно как-то.

Разочарование коснулось души, я быстро вернулась к шкафу, сунула бутылку обратно в ящик, прикрыла артефакты Матвея крышкой и закрыла шкаф. Я уже хотела уйти, но неожиданно обожгло щеки. Они вспыхнули, будто резко повысилась температура тела, и в отражении я увидела, насколько они красные. Бабушка всегда верила в приметы, и в таких случаях говорила, что обо мне кто-то вспоминает, и нужно провести по щеке золотым кольцом. Если останется светлая полоса, значит, думают хорошо, если темная, то плохо. Кольца у меня не было и, пожав плечами, улыбнувшись, я покинула комнату.

Чай я пила с большим удовольствием, все же сладкое положительно влияет на растущий организм. Размышляя над тем, чем бы заняться в ближайшее время, мысленно я все возвращалась и возвращалась к ящику, набитому сокровищами. Но вот странно, память размывала предметы, окутывала их полупрозрачным туманом, яркой была лишь пузатая зеленая бутылка.

* * *

Я и не сомневалась, что ночью страхи вырвутся на свободу. Тени и звуки соседних улиц непременно сползутся ко мне, чтобы пугать и мешать спать. И останется только решить: накрыться одеялом с головой, пытаться спрятаться, или лежать и смотреть в потолок, демонстрируя отчаянную храбрость.

Я тянула время и нарочно долго размышляла над тем, застилать диван или нет. Кенар следил за моими метаниями с любопытством и иногда даже отвечал, когда очередная фраза: «Быть или не быть?» взвивалась в воздух.

Как Матвей отнесется к тому, что я возьму постельное белье? Наверняка оно хранится на одной из полок углового шкафа.

Если он разрешил мне здесь пожить, значит, предполагал... Хотя, скорее всего, Матвей и не задумывался о простынке, наволочке и пододеяльнике для незнакомой гостьи. Делать ему что ли нечего.

А между прочим, подросток должен спать максимально комфортно, об этом можно прочитать в любой психологической книге, посвященной переходному возрасту. Потому что растущий организм и чуткая нервная система требуют покоя и удобства.

– Раз я ухаживаю за тобой и кактусом, – повернувшись к кенару, начала я оправдательную речь, – то имею право на достойное проживание. Так?

В ответ я получила переливистую трель, безусловно означающую дружеское согласие. Но я еще долго слонялась по квартире, прогоняя тревогу, а когда наконец застелила диван, выключила свет и легла, то время уже перевалило за полночь. Сунув мобильник под подушку, повернувшись набок, я запретила себе бояться и геройски прошептала:

– Спокойной ночи.

Где-то вдалеке раздалось шуршание, и вроде даже завывла собака, почудились старческие шаркающие шаги, в батареях булькнуло, луна подчеркнула рисунок на стене, и это оказались темные крылья огромной птицы...

«Глупо верить в привидения».

А я и не верила, просто воображение совершенно самостоятельно рисовало картины, и не так-то просто было от них отмахнуться. Утешало только то, что кенар сидел тихо, а значит, опасности не существовало.

«Или его парализовал страх?»

Усмехнувшись собственной иронии, почувствовав некоторое облегчение, я закрыла глаза, но... Сразу же их открыла. Из коридора несло четкое и вовсе не придуманное лязганье, а точнее, кто-то неведомый пытался открыть входную дверь... Отчаянно надеясь на ошибку, я подтянула коленки к животу, замерла и прислушалась. Дверь захлопнулась, еще один поворот в замке, на пол упало что-то весомое, но мягкое, и я уловила то, что просто не могла поймать и

угадать – мужское дыхание. Оно прилетело ко мне не явно, а смешавшись с микрочастицами воздуха, бесконечными секундами ожидания, лунным светом, и, будто легкий ветер, коснулось лица...

Вывод напрашивался только один: теперь в квартире я не одна.

В коридоре включился свет, в дверном проеме почти бесшумно появилась высокая фигура, и я на всякий случай простилась с жизнью, потому что сердце уже почти остановилось. Некоторое время мужчина стоял молча, вглядываясь в полутьму, а затем прислонился плечом к дверному косяку и тихо спросил:

– Спишь?

Находясь в состоянии аффекта, я могла ожидать от себя чего угодно: и продолжительного оглушающего крика, и стремительного побега в пижаме к бабушке, и даже прыжка с десятого этажа. Но вместо этого, я облизала пересохшие губы, крепче вцепилась в одеяло и тоже тихо ответила:

– Нет.

* * *

Петербург. Далекое прошлое...

Деньги Прохор убирал торопливо и нервно, будто не мог поверить, что дельце удалось повернуть без проблем. В его глазах плясал болезненный огонь алчности, правая щека дергалась, а на губах играла скользкая улыбка. Соня не сомневалась, уже сегодня ее бывший хозяин промотает часть полученного богатства и сделает это громко и с удовольствием. Разгоряченный дешевой выпивкой, сытый Прохор будет хохотать и потирать руки, надеясь на скорую повторную удачу. «Где один, там и второй... Что ж я раньше не додумался... Ничего, налажу торговлю, и пойдет как по маслу...» – так он ей говорил.

Чувствуя собственную ничтожность, Соня коротко вздохнула. Ее жизнь ничего не стоит – пылинки на ветру. Если повернуть время вспять и вновь оказаться на чердаке, стала бы она хорошо петь? Ответа не было, душа сжалась, даруя спасительное равнодушие ко всему вокруг. Клетки, птицы, старушка в дорогих туфлях... А, может, это странный сон, не более?

Прохор хмыкнул, прищурился, сделал несколько шагов к Соне и сильно потряхнул ее за плечи.

– Не вздумай отсюда сбежать. Поняла? Найду и убью, даже не сомневайся.

Ответа не требовалось, этих слов вполне было достаточно, чтобы вжать голову в плечи и почти перестать дышать. Оранжевый кенар со странным хохолком вдруг запрыгал, забеспокоился и принялся издавать режущий ухо писк. Он будто ругался на Прохора, пытаясь хоть как-то защитить хрупкую девочку, волею судеб очутившуюся в магазине. «Тише, тише... – мысленно произнесла Соня, волнуясь за птицу. – Ничего страшного, он сейчас уйдет».

Махнув рукой хозяйке, мол, я выполнил все условия, Прохор быстро направился к двери, и уже через пару секунд прощально звякнул дверной колокольчик.

«Вот и все... Теперь я буду жить здесь».

– Теперь ты будешь жить здесь, – ровно произнесла старушка, наклонила голову набок и криво улыбнулась. Мол, видишь, я могу читать твои мысли, так что лучше не совершай глупостей, они не останутся незамеченными.

Именно в этот момент Соня поняла, что перед ней вовсе не сказочная пожилая женщина, угощающая детвору пряниками в праздники, перед ней... колдунья?

– Да, – кивнула Соня, соглашаясь то ли со своим открытием, то ли с незавидной участью. А бывают ли колдуньи добрыми?

– Называй меня Бертой. И имей ввиду, я не терплю кислого выражения лица, от уныния у меня случаются мигрени. Твои родители живы?

– Я точно не знаю.

– Можно было и не спрашивать, печать сиротства у тебя на лице. Нет, дело не в том, что ты бегаешь по улицам и кланчишь деньги у прохожих... Твои корни утеряны, вернее, они вырваны из тебя раз и навсегда. – Старушка зашла за прилавок, поправила чепец, немного помолчала и добавила четко и холодно: – Обязанностей у тебя будет достаточно. Во-первых, здесь всегда должно быть чисто. И полы, и полки, и клетки... – Она обвела цепким взглядом магазин, точно надеялась отыскать песчинку и уже сейчас поставить ее в вину Соне. – Во-вторых, каждый день ты будешь заниматься кенарами: нужно учить их петь. Почти от всех самок я избавляюсь сразу, сдаю на рынок за копейки, а вот самцы остаются... – Берта прищурилась и хмыкнула. – У них другая жизнь. Их ждет обожание и роскошь! Вот только для этого надо потрудиться. И трудиться придется тебе. Следуй за мной.

Старая Берта развернулась и скрылась за дверью, ведущей вглубь дома. Соня, ища поддержки, посмотрела на оранжевого хохлатого кенара, а затем пошла следом за новой хозяйкой. Скрипнула половица, узкий переход окружил темнотой и страхом, впереди дернулось пламя свечи, на старой лестнице, резко уходящей вверх, заплескали тени.

– Это твоя комната, – сухо произнесла Берта и остановилась. – Тебе запрещено покидать ее после десяти вечера.

«У меня будет своя комната? Разве такое возможно? – изумилась Соня, не веря в происходящее. Но следующая мысль обогнала первую, и отчего-то по спине пробежал холодок, а в душе заерзала шершавая, как кора дерева, тревога. – Интересно, почему вечером нельзя выходить из комнаты?...»

Глава 4

Он бесшумно зашел и включил свет.

Я зажмурилась, затем приподнялась на локте и только потом открыла глаза.

Конечно, в высоком стройном молодом человеке я сразу узнала Матвея, в жизни он оказался еще лучше, чем на фотографии. Уже не столь длинные волосы, но все так же небрит, и наконец-то на нем именно та одежда, которую ожидаешь, когда задумываешься об археологии: свободные брюки защитного цвета со множеством объемных карманов, черная футболка и джинсовая серая рубашка нараспашку.

– Забыл, как тебя зовут, – с усмешкой произнес он и добавил: – Давай знакомиться. Матвей.

– Дина Овсянникова, – ответила я и тут же отругала себя за официальность. Зачем сообщать фамилию? Глупо же. Но похоже, мой мозг в эту минуту испытывал серьезные перегрузки, да и душа сжалась в маленький комочек, не зная, куда спрятаться.

– Отлично. Предлагаю сверхпоздний ужин. Выпьем чаю, поедим чего-нибудь стоящего и обсудим мировые новости. Что там у нас на повестке дня? – Не дожидаясь ответной реакции, а она бы точно была заторможенной, Матвей вышел из комнаты, и вскоре я услышала бодрое гудение чайника.

«Почему он приехал? Что теперь делать?»

Вопросы вспыхнули, задрожали и яркими акварельными красками утекли в неизвестном направлении. Мое тело уже совершало самостоятельные движения, и я не поспевала за ними. Сначала я дошла до двери, но потом нелепо вытянула руки вперед и убедилась в том, что на мне все еще сшитая бабушкой пижама. Вместо того, чтобы переодеться сразу, я вернулась к дивану и принялась аккуратно складывать одеяло и взбивать подушку. Мысли смешались, пальцы не слушались, слова, сказанные Матвеем, настойчиво звенели в ушах...

«Он меня не прогонит? Мы сейчас будем пить чай? Мировые новости... мировые новости... Вспомнить бы хоть что-нибудь на эту тему...»

В чувства меня привел кенар, он несколько раз пискнул, а потом запел, чем заметно сгладил волнение.

– Спасибо, друг, – прошептала я и молниеносно переоделась.

Я не привыкла видеть мужчину, ловко управляющегося с кастрюлями, сковородками, досками, терками... Именно поэтому, переступив порог кухни, я зачарованно замерла, жадно впитывая происходящее. Матвей стоял около стола боком ко мне и явно готовил сразу несколько блюд. Перед ним лежали помидоры, огурцы, открытая упаковка бекона, пара консервных банок, сыр, хлеб, пучок укропа, яйца, что-то еще в полупрозрачных пакетах...

– А ты, похоже, в основном питаешься шоколадом?

– Да, – честно ответила я.

– Поставь сковородку на плиту, накормлю тебя омлетом. И масла плесни. Я предпочитаю растительное, а ты?

– Да мне все равно, – я пожала плечами. – Какое скажете, такое и налью.

Матвей перестал резать лук, посмотрел на меня серьезно и наигранно строго произнес:

– И не вздумай мне выкатать, я тебе уж точно не гожусь в отцы.

Бывают моменты, которые непременно хочется запомнить, да так, чтобы ни одна искра в глазах не оказалась потерянной. И не только искра, а еще поворот головы, съехавшая на лоб длинная темно-русая челка, жесткая линия губ, вена, бегущая от запястья к локтю...

Легкое и дружеское «ты» делало меня ближе к Матвею, и я не могла не радоваться этому. Если на вас особо никто никогда не обращал внимания, то приятельское общение с очень привлекательным молодым мужчиной не может не сотрясти вселенную. Я старалась быть честной

с собой и понимала, что в большей степени это ничего не значащий разговор, мы живем на разных планетах, и даже не понятно, как орбиты-то наши пересеклись. Но... Меня будто пригласили в настоящую взрослую жизнь, где есть свобода, и обязательно будет легко, потому что кругом только те, кого выбрал сам.

– Хорошо.

– Кидай лук на сковородку. И поаккуратнее, а то брызнуть может.

– Я умею.

– Сколько тебе лет?

– Четырнадцать.

– Да, Дина, уметь уже пора. – Матвей усмехнулся, подкинул помидор и ловко поймал его. – Моя мать и, соответственно, твой отец не должны знать, что я вернулся. Договорились?

– Ага.

– Послезавтра уеду. Заскочил всего на денек, дело есть.

– Отец собирался сходить со мной в кино. Но вряд ли он... приедет и увидит тебя.

– Ты хотела сказать: вряд ли он вспомнит о своем обещании? – Матвей вопросительно приподнял правую бровь и посмотрел на меня так, как учитель смотрит на ученика на экзамене. И этот ученик – двоечник. Он знал все, и ждал, когда я признаюсь в своей ненужности собственному отцу, хватит ли мне смелости (или отчаяния) озвучить правду?

– Я в курсе, сколько едят канарейки, и сколько воды требуется кактусам, – спокойно произнесла я, добавляя слишком много масла на сковородку. В этот момент я бы многое отдала, чтобы мне было не четырнадцать, а хотя бы семнадцать лет. Возможно, Матвей воспринимает меня ребенком, но я не такая уж и маленькая. Я прочитала кучу книг, и являюсь носителем несметного богатства под названием «Теоретический опыт»... Смешно, да. – А тебе сколько лет? – небрежно спросила я, старательно демонстрируя уверенность и независимость.

– Двадцать три. – Матвей подошел к плите и разбил яйца на сковородку. Теперь он стоял рядом, и я улавливала аромат его парфюма и еще чувствовала теплую энергию, исходящую от его тела. – Не страшно оставаться одной в чужой квартире? – Он повернул голову в мою сторону. Соврать бы не получилось, взгляд Матвея проникал в душу и обжигал ее.

Набрав в легкие побольше воздуха, стараясь дать одновременно честный и достойный ответ, я решительно выдохнула:

– Немного.

Если мы торопливо и жадно, будто минимум полгода не видели яичницы с салатом и очень по ним скучали. Мне нравился вкус жареного бекона, и бутерброд с икорным маслом казался абсолютно кстати, а еще – наивкуснейший розовый помидор и тонкие колечки красного сладкого перца... Матвей готовил с той небрежностью, которая непременно вызывает аппетит у рядом стоящего, и теперь я получала удовольствие от обыкновенной еды, сохранившей естественный вкус, не испорченной сложносочиненными специями.

– Похоже, яичница тебе нравится. – На его губах вновь играла усмешка.

– Да, спасибо. – Я немного помолчала, но все же задала жужжащий в голове вопрос. – А почему ты разрешил мне здесь пожить? Когда посторонний человек в квартире, то, наверное, не слишком... удобно. – Я бы сказала «не слишком приятно», но не стала сгущать краски.

– Честно говоря, мне все равно. – Матвей пожал плечами. – Мать попросила, и я согласился. Она лет сто в хороших отношениях с твоим отцом, выручают друг друга по возможности. Я так понимаю, отца ты видишь редко?

– Да, у него своя жизнь, а у меня своя.

Матвей кивнул, и положил себе со сковородки еще яичницы.

– Обычная история, я своего отца последний раз лет пятнадцать назад видел. Родители развелись, мы переехали из Питера в Москву, и общение по телефону довольно быстро закончилось. Бери еще бутерброд.

– Спасибо, я наелась.

Если бы Матвей был другим, мне пришлось бы тяжело, наверное, я бы сидела в комнате и боялась лишний раз дойти до кухни или туалета. Только подумать, еще утром я была дома с бабушкой, и ничто не предвещало кардинальных перемен в жизни. А вот теперь, я в чужой квартире ем яичницу с незнакомым мужчиной. Более того, мы непринужденно разговариваем о наших отцах и, возможно, еще обсудим мировые новости.

– Хотелось бы спихнуть на тебя мытье посуды, но ты ж гостя, так что я сам.

– Мне вовсе не трудно помыть.

– Да? Ну, тогда вперед и с песней.

Матвей улыбнулся, и я поняла, как ловко он загнал меня в ловушку. И сделал он это с таким искренним мальчишеским удовольствием, что я тоже улыбнулась в ответ и легко ответила:

– Без проблем.

«Интересно, у него есть девушка?.. Не просто так, а чтобы серьезные отношения? И где сейчас та красивая девушка с фотографии?» Я очень надеялась, что мысли не отражаются на лице, и Матвей не сможет их прочесть. Но на всякий случай встала и принялась складывать грязную посуду в раковину.

– И чем ты собиралась здесь заниматься?

– Читать, смотреть телевизор... Еще сходила бы в магазин.

– Обширнейшая программа.

– Я ее еще не до конца продумала.

– Ладно уж, развлеку тебя завтра как-нибудь, в первой половине дня я совершенно свободен.

– Спасибо, – не оборачиваясь ответила я и включила воду. Но обернуться очень хотелось. Что имел ввиду Матвей?

Мы вместе куда-то пойдем?

Конечно, можно было уточнить, но я побоялась, что сказка рассыплется: вдруг, я неправильно поняла, или к утру он забудет о своих словах, и ничего кроме чтения в качестве культурной программы не останется.

«Пожалуй, эти каникулы могут стать самыми лучшими, и мне будет о чем потом вспоминать».

Шорохи и тени больше не беспокоили, я заснула сразу и только один важный вопрос скользнул напоследок, оставляя после себя яркий оранжевый след. Из-за волнения и массы новых впечатлений я забыла спросить у Матвея, как зовут кенара, и сожалела об этом.

* * *

Петербург. Далекое прошлое...

В узкой серой комнате помещались лишь кровать, стул и сундук, потолок закоптился от старости, запах свечного дыма здесь привык просыпаться к вечеру и умирать к утру. В маленькое оконце получалось заглянуть только если взобраться на стул и подтянуться на цыпочках – там мокрые после очередного дождя улицы, и где-то бегают и добывают деньги Петка, Варька, Лешка Соловей... Но Соня полюбила эти четыре стены до каждой трещинки, пятна и черточки, тесное замкнутое пространство наконец-то подарило ей то, чего она была лишена долгие годы – чувство защищенности. От ветра, теней прошлого и настоящего, голода, холода...

Соня уже знала, что раньше у хозяйки жил мальчишка – сын лавочника, он очень хорошо обучал птиц пению, но с возрастом его голос изменился, стал грубее, да и отец его уже отказывался довольствоваться небольшой платой за работу сына и требовал куда больше.

«Я его прогнала, – как-то сказала Берта с холодным равнодушием. – Совершать ошибку дважды глупо, именно поэтому мне нужна была девочка, и обязательно сирота».

Настроение у хозяйки менялось часто, и постепенно Соня научилась подстраиваться под обстоятельства. Если рядом с лестницей пахло травами, то не стоило лишний раз попадаться на глаза старой Берте – мигрени всегда преумножали ее раздражение. Если в гостиной на круглом столе, покрытым льняной кружевной скатертью, лежали книги, то можно было расслабиться и не бояться взбучки из-за пустяка. Если покупатели приходили часто, то удавалось даже поймать довольную, чуть надменную улыбку Берты, и тогда Соня позволяла себе чуть дольше задержаться около клетки оранжевого кенара. У нее никогда не было друзей, и вот теперь она испытывала теплую привязанность к маленькой птичке.

– Не вздумай давать имена птицам, им совершенно незачем привыкать к чему-либо. Имена им дадут те, кто достаточно заплатит за их пение, – сразу предупредила Берта.

Но Соня не устояла и все же тайно назвала своего любимца – Хвостиком. Имя пришло само собой, больно хохолок был похож на еще один хвостик.

Она вставала в шесть утра и до девяти приводила в порядок магазин. Очень много времени тратилось на уборку клеток и пола: невесомые перья разлетались в стороны и победить их получалось лишь продолжительным усердием и мокрой тряпкой. Теперь у Сони появились простая добротная одежда и обувь, а еще две ленты для волос и щетка. Старая Берта не терпела неряшливости и каждое утро осматривала Соню так, точно с минуты на минуту в магазин должна была приехать особа королевских кровей.

– Я дорожу своими покупателями, – важно говорила она, чуть вздергивая дрожащий подбородок. – Меня рекомендуют, а это весьма ценно. У половины светского Петербурга живут мои птицы. Думаешь, дело в деньгах? Нет. Репутация превыше всего!

После обеда Соня обычно несла одну из клеток в свою комнату, где старательно пела, надеясь, что выбранный кенар сразу или через несколько дней начнет выдавать длинные переливчатые мелодии. Потом наступал черед другой птицы, затем следующей, и так до самого вечера. Цена на нового певунов мгновенно взлетала, Берта одобритительно кивала и делала запись в толстой книге, хранящейся под прилавком. Соня же в такие моменты испытывала самую обыкновенную радость – у нее получилось, она молодец.

– Так жалко, Хвостик, что ты уже умеешь петь, – вздыхая, шептала она хохлатому кенару. – Рано или поздно тебя купят... Хотя, если бы ты не умел красиво петь, тебя бы отправили на рынок. Уж лучше в хорошую семью, правда? Ты стоишь дорого, а значит, за тобой однажды придет богатый человек, и ты никогда не окажешься брошенным и голодным, – утешала себя Соня, не желая расставаться с маленьким оранжевым другом. Она боялась, что однажды Берта узнает о ее привязанности, поэтому разговаривала с Хвостиком в основном рано утром и перед сном.

Немного привыкнув к новой жизни, Соня осторожно осмотрела первый этаж. Многие страхи поблекли, но все же не стоило лишний раз раздражать хозяйку. Что можно, а чего лучше не делать, кто ж знает...

Кухня оказалась довольно большой, и раз в день приходила мрачная женщина, чтобы быстро приготовить завтрак, обед, ужин и уйти. Ее стряпня была однообразной, но вкусной, иногда Соне становилось жаль, что много съесть не получается: желудок, привыкший голодать, не принимал много пищи. Под лестницей стоял огромный сундук, в котором хранилось постельное белье. В одной из комнат на полках стояли клетки-переноски. Птиц старой Берте привозил высоченный моряк, и именно здесь кенары и канарейки жили первую неделю: привыкали, успокаивались. Всегда существовала вероятность, что новые птицы окажутся больными, и их не следовало сразу относить в магазин. В кладовке хранились красивые клетки на продажу и корм, и была еще одна комната – гостиная.

Берта жила на втором этаже, и Соня еще ни разу не поднималась по ступенькам лестницы. Что там? Как там? Это оставалось загадкой. Но представлять обстановку никто не мешал, и то чудились сказочные шелковистые стены и светлая мебель с золоченой отделкой, то казалось, что наверху темная пещера, скрывающая жуткие тайны. Про роскошную мебель как-то рассказывал Лешка Соловей, и теперь она отчетливо виделась до мельчайших подробностей. Вот Берта подходит к столу, проводит рукой по белоснежной скатерти обшитой по краю бахромой, неторопливо и тяжело опускается на стул с изогнутой спинкой, украшенной маленькими шишечками, берет фарфоровую чашку двумя пальцами и...

– О чем ты думаешь? Явно не о том, что тебе пора в свою комнату.

Вздвигнув от неожиданности, Соня отскочила от клетки Хвостика и обернулась. Берта смотрела на нее строго и выжидающе, и этот холодный взгляд был уже известен: «Скоро десять часов, нечего тереться возле прилавка, ступай к себе и не забудь плотно закрыть дверь». Темные глаза хозяйки сверкали, тяжелые брови почти встретились на переносице, но губы застыли в усмешке, будто Берта тоже думала о чем-то своем.

– Я уже иду, просто хотела... – Соня осеклась, не зная, какое оправдание добавить. Однако интуиция подсказала, что дополнительных слов не требуется, и самое лучшее, что можно сделать – это немедленно отправиться к себе и не появляться до утра. Но вдруг колючая мысль полусонным ежом заворочалась в голове, и Соня замерла, неотрывно глядя на хозяйку. Вечер, а Берта переделалась в тяжелое бархатное платье синего цвета, на плечи накинула черную шаль, напоминающую сложную паутину, чепца нет, а седые желтоватые волосы разделены на прямой пробор и убраны назад в низкий пучок. В таком виде не стоят за прилавком, да и магазин уже закрыт, наверное, так наряжаются, когда... ожидают гостей. А еще, на правой руке Берты появился странный рисунок из множества пересекающихся линий – черный, стягивающий белую сухую кожу еще больше.

«Да... да... и раньше случалось... я помню... три дня назад...» – Соня сцепила руки перед собой, и, боясь, что Берта сейчас прочитает ее мысли, опустила голову.

– Ты смотришь на мои туфли?

– Я-я... м-м...

– Они тебе нравятся?

– Да.

Соня давно поняла, что обувь для хозяйки – особенная история. И утром, и днем, и вечером старая Берта носила туфли, способные вызвать зависть даже у обеспеченной модницы. Ткань то игриво блестела, то была матовой и строгой, то собиралась в складки. Камни то тянулись дорожкой сбоку, то сияли на пряжке, то превращались в цветок, то рассыпались звездами... А пряжки! Они напоминали и медовые пряники, и баранки, и вензеля, и расписные окошки. Вот только красота и богатство никак не вязались со горбленой Бертой, похожей на древнюю хищную птицу. Иногда чудилось, подними она руки, и окажется, что вместо широких рукавов платья – крылья, потрепанные временем, давно потерявшие часть перьев. Если бы не туфли, то хозяйка магазина, наверное, шаркала бы ногами, выглядела еще меньше и не производила бы одновременно величественное, сумрачное, таинственное и тревожное впечатление.

– Это хорошо. – Ответ явно понравился Берте. Неторопливо убрав под прилавок книгу для торговых записей, она выпрямилась, насколько позволяла спина, и добавила с нотами гордости и удовольствия. – Туфли для мне как дети. Я придумываю их сама, и затем их делают на заказ. Я помню, как в детстве надо мной смеялись из-за того, что у меня слишком большой размер ноги. Большой для девочки. Глупцы! Где эти ротозеи теперь? Хотела бы я посмотреть на то, как нынче жалко на их ногах смотрятся стоптанные башмаки! – Берта засмеялась тихо и едко, ее плечи задрожали, а потом затряслись сильнее. Из прически выпала жесткая прядь, и она запрыгала в такт, точно стрелка обезумевших часов.

Соня совершенно не разбиралась в камнях, какие драгоценные, а какие нет. Но то, что туфли стояли очень дорого, она уверенно чувствовала и еще понимала: далеко не каждый владелец небольшого магазина может позволить себе подобную роскошь. Кенары-певуны стоили прилично, но не все жители красивых клеток выдавали залиvistые мелодии. Откуда у хозяйки столько денег?

Уже в комнате в Соню железной хваткой вцепился непокой, она бы заметалась от стены к стене, но теснота не позволила этого сделать. Два шага туда и обратно – вот и все расстояние. Сначала обрушился жар, затем холод, потом опять жар... Соня не могла взять себя в руки, и только когда вернулась колющая мысль: «Да, так одеваются, когда приходят гости...» душа несколько успокоилась и стало легче.

Опустившись на край кровати, Соня попыталась понять, отчего ее вдруг это затронуло, но ответа не последовало, и она просто пожала плечами, не желая больше думать над загадкой. Сейчас надо лечь спать, утром опять будут ждать грязные клетки, пух, перья, кормушки...

– А если подглядеть одним глазком? – прошептала Соня, удивляясь собственной решимости. – Нет, нет... Нельзя.

Поднявшись, она принялась неторопливо снимать передник, пламя свечи сразу затревожилось, запрыгало, щедро окрашивая стены бесформенными тенями. Вот и мысли так же скачут, не остановиться.

«Иногда кажется, что Берта знает обо мне все. А если она и сейчас угадывает мои мысли?»

– Одним глазком... – вновь прошептала Соня, проигрывая неведомой силе, тянущей ее худосочное тело на второй этаж. Пусть, пусть сила подхватит и понесет вверх, и разве будет кто-то виноват? И просто надо быть осторожной, а еще лучше прямо сию минуту прислушаться, не пройдет ли кто мимо по коридору...

Несколько часов Соня сидела тихо, почти не шевелясь. Дверь протыкала замочная скважина, но старая Берта отчего-то никогда не закрывала ее на ключ.

– Темно. Ничего не видно, – слетало с губ, и Соня сжимала и разжимала онемевшие пальцы, уже не в силах отказаться от задуманного.

Шаги, шорох, голос Берты: «Я рада вас видеть, прошу проходите», вспышка тусклого света в щели под дверью, и сердце застучало так, что оглушило и заставило прижать ладонь к груди.

Она угадала! Все верно! У хозяйки бывают ночные гости!

Но кто там?..

Когда слова стихли, а фразы улетучились, Соня осторожно приоткрыла дверь, огляделась, вышла из комнаты и скользнула к лестнице. Темнота помогала и успокаивала: «Не бойся, я укрою тебя от чужих глаз, никто ничего не узнает. Иди смелее, вон же ступеньки».

Соня и не заметила, как поднялась. Из комнаты Берты лучился свет, он звал, манил и обещал скорую разгадку.

– Признаться, я боюсь, – долетел неуверенный незнакомый женский голос. – Но я хочу жить иначе...

– Те, кто со мной договариваются, остаются довольны, уверяю вас, – прозвучал спокойный, убаюкивающий ответ Берты. Соня сразу представила хозяйку, ее морщинистое лицо и тяжелый испытующий взгляд. Как же не подходят ей мягкие интонации, да они никогда раньше и не звучали. – Ваша судьба в ваших руках, измените ее к лучшему, зачем отказываться от прекрасного и счастливого будущего?

– Вряд ли церковь смотрит на это положительно.

– Мы им ничего не скажем. – Соня угадала кривую усмешку Берты и замерла на последней ступеньке, решая, двигаться дальше или нет.

– Наверное, вы относитесь к таким вещам легко...

– Мы живем один раз, подумайте об этом.

Соня вновь почувствовала неведомую силу, толкающую ее вперед. Осталось сделать несколько шагов, это совсем не трудно: раз, два, три...

«Я только одним глазком посмотрю на гостью и уйду. Кажется, она молодая, интересно, красивая или нет? Вот бы понять, о чем они говорят, но вряд ли это возможно».

Бесшумно, на цыпочках подойдя к двери, Соня вытянула шею и заглянула в щелку. За столом в черной одежде сидела стройная худая женщина. Ее лицо закрывала кружевная вуаль, возраст гостьи определить ни за чтобы не получилось, зато было ясно, что она принадлежит к высшему обществу.

Таинственная незнакомка достала из ридикюля кожаный мешочек и молча положила ее на стол.

– Я согласна, – произнесла она отчаянно и решительно. – Мне рекомендовали вас, а значит сомнения напрасны. Здесь камни, которые вы просили.

Спина от напряжения болела, Соня переступила с ноги на ногу, подняла голову и увидела свою хозяйку, стоящую возле плотно зашторенного окна. Свечи позволяли уловить многое, но все меркло, донося главное: старая Берта давно отвела взгляд от гостьи, и теперь осмотрела прямо. На Соню.

Глава 5

В одиннадцать Матвей еще спал, и у меня была прекрасная возможность подумать о жизни. Раньше дни походили один на другой, но дело даже не в этом: я искренне полагала, что так будет всегда. Я не ждала перемен, чего-то кардинального, странного, неожиданного, волнительного и безумного.

Но разве не безумие – мое присутствие в квартире археолога?

И почему случившееся не пугает, не опутывает паутиной неловкости, а наоборот... *«Ладно уж, развлеку тебя завтра как-нибудь, в первой половине дня я совершенно свободен».* Неужели, мои приключения не закончились?

«И... Я понимаю, что это прозвучит странно, но неужели в моей жизни появился человек... мужчина... который выполнит обещанное? Пусть всего один раз, и потом я его никогда не увижу, но все же. Интересно, почему Матвей скрывает от матери свой приезд? Может, они не в очень хороших отношениях?... Хотя вряд ли, у Ларисы Григорьевны есть ключи от квартиры, и она поговорила с сыном обо мне».

Нажав кнопку чайника, я сделала почетный круг по кухне и с мечтательной улыбкой на лице остановилась около окна.

– Самые лучшие каникулы, – прошептала я и тронула штору кончиками пальцев.

Закадычной подруги у меня не было, но я дружила с одноклассницами: Дашей Воробьевой, Ирой Сотниковой и Светой Кравец. Сейчас я бы с удовольствием рассказала им о своем безрадостном появлении в этой квартире и о ночном госте, изменившем мое настроение с тоскливого и одинокого на волшебное. Конечно, называть Матвея гостем неправильно, это я здесь на птичьих правах, но... Пусть так. Он гость в моей судьбе. Красиво же звучит?

– Доброе утро, – хрипловато и сонно раздалось за спиной, и я обернулась. Матвей прошепствовал в кухню, налил стакан воды, выпил его и, не дожидаясь ответа, добавил: – Время уже много, давай собирайся, метнемся в кино для начала. Попкорном позавтракаем. Тема, конечно, так себе, но обещаю, обед будет весьма человеческим.

С моих губ уже готова была слететь фраза: «Ага, хорошо», но произнести слова оказалось непростым делом. Мне не часто приходилось находиться в обществе почти обнаженного мужчины (а приходилось ли вообще? пляж считается или нет?), и смятение мгновенно сковало руки, ноги и язык.

«Трусы и тапочки на нем же есть», – я сделала слабую попытку отыскать утешительный аргумент.

Автоматически убрав прядь за ухо, коротко вздохнув, я подошла к столу. Трусы Матвея были клетчатые, похожие на короткие летние шорты, но для неискушенной души это не имело значения.

– Хорошо. – Я кивнула и постаралась отвести взгляд, но и тут душу ожидал сокрушительный проигрыш. Создавалось впечатление, будто археологи в основном работают не кисточкой, смахивая пылинки с кувшинов и костей, а ворочают каменные глыбы, бессовестно прячущие от мира ценные артефакты. Мышцы четко выделялись на теле Матвея, а еще на плече треугольником расположились три родинки, абсолютно на одинаковом расстоянии друг от друга. Красиво и необычно. Наверное, мне стоило похвалить себя за то, что я не подошла ближе и не потрогала их. – Соберусь быстро, – пообещала я и пулей устремилась в комнату.

Спортивные штаны долой. Джинсы, футболка, кофта – вполне нормально. Тщательно причесав волосы, я собрала их в высокий хвост резинкой, сунула в карман деньги, оценила свое отражение на твердую четверку и вышла в коридор.

– Успеваем на пару дневных сеансов, выбирай: боевик или комедия? – предложил Матвей, когда дверцы лифта закрылись.

– Боевик, – уверенно ответила я, желая сделать ему приятное. – Забыла вчера спросить, а как зовут кенара? А то живу с ним в одной комнате, но, по-настоящему, мы не знакомы. – Я улыбнулась, искренне радуясь тому, что Матвей сдержал слово, и сегодняшний день я не проведу в квартире безвылазно.

– Семеном зовут.

– А давно он у тебя?

– Года три. Друзья подарили на день рождения. Хорошо хоть не собаку, – он тоже улыбнулся и провел рукой по волосам, убирая их назад. – У меня племянница есть – Дашка, раньше маленькая была, а теперь ей уже двенадцать лет. С Нового года клянчит Семена, может, и отдам.

– Не жалко?

– С ней он точно поймет, что такое счастье. Залюбит и выбора не оставит, – Матвей засмеялся. – А я, наоборот, личность дремучая, не расположенная к сантиментам.

В кинозале желудок отчаянно требовал пищи, но я ела попкорн неторопливо, даже осторожно, стараясь растягивать каждое мгновение. Темнота зала, тишина зрителей и голоса актеров составляли абсолютную гармонию и расслабляли мысли и чувства. Было ощущение, будто я плыву в лодке по узкой спокойной реке, иногда опускаю руку и касаюсь воды, иногда смотрю на небо, пытаюсь отыскать хотя бы одно облачко...

Не понятно, почему этот фильм назвали боевиком, драк не наблюдалось, а сюжет крутился вокруг утерянных лет сто назад сокровищах.

– Нудятина, – прошептал мне на ухо Матвей.

– А мне нравится.

– Если хочешь, можем посмотреть еще раз.

Повернув голову, я поймала искры иронии в глазах Матвея и не нашла ничего лучшего, чем сказать:

– Очень вкусный попкорн.

* * *

Лет пять назад я читала сказку про странный цветок, умеющий угадывать настроения людей. То он попадал к злому старику, и тогда стебель покрывался шипами, то к грустной девушке, и тогда листья скручивались и опускались вниз, то к смешливой девочке восьми лет – лепестки становились ярче, желтее, и цветок превращался в солнце. Похоже, я стала именно таким цветком. Когда мы устроились за круглым столиком кафе, и я уже предвкушала вкусный обед, в груди больно кольнуло, и тягучее предчувствие неприятностей заставило посмотреть на Матвея. Он потерял беззаботность и мысленно находился явно не здесь. Взгляд проходил сквозь зал и стены, голубые глаза потемнели, а затем неожиданно вспыхнули.

«Он раздражен и злится», – угадала я, вспоминая о том, что мне выделена только первая половина дня, а потом у Матвея какое-то дело. Ради него он и приехал.

– Ты, наверное, уже торопишься... – спросила я, желая ненавязчиво прощупать почву. Трудно представить, что подросток может в чем-то серьезном помочь мужчине, но ситуации бывают разные, а вдруг. И еще душа требовала разгадки возвращения Матвея, хотя бы нескольких подробностей, над которыми потом можно думать, засыпая и просыпаясь.

– Нет, – он притянул к себе меню и раскрыл его на первой попавшейся странице. – Собираюсь к друзьям в гости. Но друзья тем и хороши, что к ним можно явиться в любое время и даже без приглашения. Салаты, горячие блюда... За десерты сразу не хватайся, сначала едим по-человечески, а потом сладкое. Кажется, я становлюсь занудой, как считаешь?

– Вроде еще нет, – улыбнулась я.

– Это утешает. – Матвей тоже улыбнулся. – Я буду салат с лососем, стейк и пирог с грибами. Все же отсутствие завтрака подкосило мой организм.

– Я тоже хочу такой салат и... – Выбор не был для меня легким, не часто я бывала в кафе: несколько раз с отцом и один раз с бабушкой на дне рождения ее давней подруги Капитолины Сергеевны. Страх ошибиться заставил меня два раза изучить страницу с горячими блюдами, а еще пугали цены.

– На цены не смотри.

– И пасту Карбонара.

– Отлично. Когда не знаешь, что предпочесть, всегда бери пасту. Ее невозможно испортить, с любыми наворотами она получается вкусной. Как насчет домашнего лимонада? Пожалуй, нам нужен кувшин, не меньше. Есть классический и апельсиновый.

– Апельсиновый.

Сообщив официанту наши пожелания, Матвей переключился на десерты, но я уже не могла внимательно слушать, я продолжала быть цветком, способным притягивать к себе чужое настроение.

«Значит, он идет к друзьям... Неужели Матвей приехал издалека чтобы их навестить? Но зачем это скрывать?»

Над правой бровью у него появилась морщинка-черточка, и я старалась не останавливать постоянно на ней взгляд. В какой-то момент до меня долетела досада, потом грусть, а затем сразу насмешка. Но вскоре все неровные, дребезжащие чувства Матвея померкли, уступив место железобетонной мужской уверенности. Он точно вынырнул из малоприятных назойливых мыслей и вернулся в настоящее.

«Может, я экстрасенс? Или могу им стать?» Мечтательно вздохнув, я наконец открыла страницу с десертами.

После обеда мы обошли третий этаж торгового центра, где располагались кинотеатр и кафе, и спустились на второй. Кроме одежды и обуви здесь смотреть было нечего, Матвей свернул к эскалатору, но около узких белых скамеек остановился и посмотрел на меня. По его лицу сначала пронесся вопрос, а затем ответ, уголки губ дрогнули, глаза прищурились.

Мне приходилось и раньше чувствовать себя лягушкой, которую препарируют далеко не ради науки (хотя является ли наука утешением для жертвы?), поэтому взгляд Матвея я выдержала стойко.

– А поехали со мной, – предложил он, сунул руки в карманы джинсов и вопросительно приподнял брови.

– Куда? – не сразу поняла я.

– К моим друзьям. Развлечешься, получишь массу впечатлений, слопаешь чего-нибудь вкусное, приглядишь за мной. Понятия не имею, чем еще там можно заняться. Алкоголь тебе по малолетству не положен, значит сконцентрируешь внимание на мороженом. – Матвей помолчал немного и добавил с полуулыбкой, точно хотел получить согласие побыстрее: – Ресторан на берегу пруда в центре Москвы, практически на воде, когда еще ты проведешь вечер столь красочно?

Никогда уж точно, но... Я не чувствовала себя комфортно в обществе незнакомых людей, да и не всегда тепло встречают тех, кто приходит без приглашения. Друзья Матвея намного старше меня, я либо буду сидеть в углу, стараясь не привлекать внимания, либо начну слоняться между столиков, изображая вялую самодостаточность.

– Спасибо, вот только...

– Не трусь, я же рядом.

Всего несколько слов, а у меня мурашки побежали по коже. Раз, два, три – и сомнения рассыпались в пыль, уступив место совсем другим аргументам. «Я узнаю, отчего Матвей скрывает свой приезд. Я побываю в ресторане и съем минимум три порции мороженого. И при-

ключения не закончатся прямо сейчас, в эту минуту, впереди еще несколько часов приятной неизвестности...»

Как было написано в одной из книг: «Подростки часто придумывают проблему там, где ее нет. И чем больше о ней размышляют, тем страшнее им становится». Самое лучшее что я могла сделать, это согласиться и не вспоминать о дребезжащих минусах. Авторы люди умные, они плохого не посоветуют. *«Не трусь, я же рядом»*. Как было бы здорово, еще как-нибудь услышать от Матвея эти слова. Просто так.

– Я согласна.

– Молодец. Поедем часа через два. Вернемся, скорее всего, поздно.

– А в джинсах в ресторан пустят?

– Пустят, но предлагаю не отказывать себе в насущном. – Матвей обвел рукой правую сторону этажа и весело добавил: – Выбирай.

Не знаю, что со мной случилось в этот момент, и куда предательски спряталась скромность, обычно живущая в душе. Наверное, во мне проснулась Золушка, не знающая за что хвататься в первую очередь: за ящериц, мышей или тыкву. Витринные окна приглашающе засияли именно для меня, манекены-мужчины приподняли шляпы, манекены-женщины присели в реверансах, а воображаемая красная ковровая дорожка потянулась от белых скамеек дальше, и я смело ступила на нее под одобрительным взглядом Матвея.

Мне хотелось долго выбирать платье, примеряя то одно, то другое, вертеться перед зеркалом и удивляться собственному отражению и тому равнодушию к вещам, которое вспыхнуло в груди. Но то самое платье оказалось уже третьим, надев его, я поняла, что другого не надо – ни за что и никогда. Вроде простое: до колен и чуть приталенное, серо-голубого цвета, с воздушными рукавами до локтя, с тонкой пристроченной серебристой лентой по подолу. Но сердце стучало как сумасшедшее! Я долго не выходила из примерочной, опасаясь, что Матвей не одобрит выбор, но он утвердил платье сразу, и уже через несколько минут мы стояли на кассе.

– Спасибо, – искренне выдохнула я, и улыбнулась до ушей. Щеки пылали не то от счастья, не то от запоздалого смущения.

– Про туфли не забудь, Золушка. И вообще слушай, что тебе говорит старая добрая фея.

В этот момент я почувствовала по отношению к отцу искреннюю и бескрайнюю благодарность. Если бы не он, я бы не оказалась на страницах прекрасной сказки, где мужественная фея с короткостриженной бородой и голубыми глазами, ростом около метра девяносто, предлагает мне билет на восхитительный бал. И при этом не обещает, что в полночь все вернется на круги своя, и рядом со мной будет только большая оранжевая тыква.

* * *

Черные брюки и белая рубашка Матвею удивительно шли, показалось, будто он стал еще выше.

Две верхние пуговицы расстегнуты, рукава засучены – и это та небрежность, от которой глаз не оторвать. И от него вкусно пахло, но, к сожалению, я не могла разобрать составляющие мужского парфюма и наверняка бы ошиблась даже в том, что угадываю лимон.

На метро мы ехали молча, я боялась резким движением нарушить задумчивость Матвея. Интуиция подсказывала: «И тебе сейчас лучше помолчать».

Платье и туфли сидели отлично, и везде, где удавалось поймать отражение, я чуть притормаживала и жадно ловила убегающую картинку. Даже худоба делала меня особенной. И цвет моей любимой тонкой куртки идеально подходил к получившемуся образу.

Звонить бабушке я не стала. Опасаясь, что она почувствует неладное, я отправила очередную смс и отругала себя за вранье. Завтра Матвей уедет, каникулы пролетят быстро, я вернусь, и мы заживем как прежде.

Ресторан походил на белого бегемота, задумавшегося на полпути: то ли ему хочется погрузиться в воду, то ли выйти на берег и обсушиться. По периметру тянулась веранда со столиками и яркими одиночными фонарями, в окнах горел свет, доносилась приглушенная музыка, мелькали гости и официанты. Матвей взял меня за руку и потянул за собой мимо припаркованных машин к узкой дорожке, ведущей ко входу. С незнакомым удовольствием я сжала его пальцы и подняла голову, желая встретить ободряющий взгляд. Но Матвей смотрел прямо и улыбался. Вот только улыбка была наигранной и холодной.

* * *

Петербург. Далекое прошлое...

Превратившись в полупрозрачную мышь, Соня метнулась вниз по лестнице. Даже стук сердца сейчас казался оглушительно громким, и хотелось зажать уши ладонями, чтобы не слышать ничего. Влетев в комнату, она взобралась с ногами на кровать, забилась в угол, подтянула колени к груди и обхватила их руками.

Берта ее видела.

Видела!

И что же теперь будет?..

Мысли долго насакивали одна на другую, то всплывал образ гостьи-незнакомки, то взгляд Берты проникал сквозь стену и обжигал щеку и плечо, то в голове проносились слова Прохора: «*Найду и убью, даже не сомневайся!*», то ныло в груди, будто там застрял плотный ком. Но самой ужасной была обреченность: нельзя ничего исправить, нельзя сказать, что на втором этаже она оказалась случайно.

«Нужно ждать... Как только гостья покинет магазин, хозяйка придет за мной...»

Если бы Соня могла, она отправилась бы к Хвостику за поддержкой, она бы сказала ему, что совершила непростительную глупость и попросила совета. И пусть бы он лишь пропел в ответ, но это бы поддержало немного, дало возможность сделать глубокий вдох и выдох.

Время прошло довольно много, дверь медленно открылась, и старая Берта зашла в комнату. В ее глазах не полыхал пламенный гнев. Губы не кривились и не дрожали, сдерживая хлесткую брань. На лице застыло ледяное спокойствие. Показалось, будто она сейчас скажет: «Я знала, что так будет».

– Ты послушалась меня, – произнесла Берта без всяких эмоций и положила руку на спинку стула.

– Да, – тихо ответила Соня, не шевелясь.

– Тебя надо бы наказать, но я не стану этого делать. Как только ты появилась в моем доме, я сразу решила, что не буду торопиться, пусть судьба назначит день и час. И она его назначила.

– Я... я не поняла...

От страха фразы показались Соне путанными, но она уловила главное – ее не накажут, не выгонят на улицу, не отдадут Прохору на растерзание. Как такое возможно?

Берта развернулась и прихрамывая направилась к двери.

– Кажется, я натерла ногу. Новые туфли жмут, – недовольно пробормотала она и громко добавила: – Ступай за мной!

Глава 6

Круглые столики заполняли правую сторону зала, а с левой стороны прямоугольные столы были сдвинуты длинной буквой «Г». Стоило нам зайти, и буква «Г» оживилась, зашумела, и я сразу смогла оценить, как собравшиеся гости рады появлению Матвея. Его здесь любили.

– Приехал? Молодец! А говорил, не сможешь.

– Давай к нам! Сто лет тебя не видела!

– Дружище, виски или коньяк? В тот раз же не выпили.

– Матвей, ты голодный? Сейчас мы быстренько тебя накормим! Люди, нужна тарелка! Две тарелки!

Ресторан отлично подходил для торжественных случаев, светлый интерьер, небольшие кружевные светильники, бледно-голубые скатерти, потолок, украшенный дорожками узоров. Я вертела головой и жадно впитывала атмосферу, и мне так не хотелось, чтобы Матвей отпускал мою руку.

– Это кто с тобой? А ну давай знакомь! Сестра?

– Племянница, – соврал он, притормаживая. – Дина.

Взгляд Матвея устремился дальше, и я наконец-то поняла, к кому он приехал. Во главе стола сидела пара: красивая девушка с фотографии и приятный молодой человек. Они оба поднялись, встречая нового гостя, и искренне улыбнулись.

– Садись с нами, – обратилась ко мне симпатичная невысокая девушка в розовом брючном костюме. – У нас тут самые вкусные салаты и свежавыжатый апельсиновый сок. А что еще нужно для счастья?

Матвей разжал пальцы, рука выскользнула из его ладони, и я мгновенно потеряла ощущение уютного тепла. Он больше не собирался приглядывать за мной или развлекать, с этой минуты я должна была выплывать самостоятельно.

– А я, дурак, цветы не купил. Прости! – крикнул Матвей девушке с фотографии. – И вообще без подарка!

– Ну и что! – засмеялась она. – Иди скорее к нам!

Преодолев оставшееся расстояние, Матвей поцеловал девушку в щеку, пожал руку молодому человеку и устроился рядом с ними.

– Я ж все-таки свидетелем был на свадьбе, – донесся до меня его веселый голос.

Усевшись на предложенный стул, я сразу попала в эпицентр внимания. На мою большую белоснежную тарелку навалили столько еды, что я испугалась. За день я обычно съедала гораздо меньше. Мясные рулетики, мини-корзинки с салатом и икрой, рыба красная и белая, блин с пока еще неизвестной начинкой, длинный зеленый перчик, набитый морковью, шпажка с жареными куриными кусочками, брокколи, ветчина... Аппетит проигнорировал мое волнение и сначала заворочался в животе, а потом, не получив должного внимания, затынул свою волчью песню.

«Начну с блина», – решила я.

Матвей произнес жизнеутверждающий тост и с легкостью выпил. Приступая к салату, он улыбался, кивал и непринужденно поддерживал беседу. Жаль, мы находились на приличном расстоянии, и не получалось поймать хотя бы несколько фраз. Зато я хорошо слышала разговоры по соседству со мной.

– ...быстро же год пролетел, а кажется, только поженились.

– ...не думала, что Матвей приедет. Он с Кристиной с первого курса встречался, а оно вон как вышло...

– ...ну разлюбила, с кем не бывает, у него, наверняка, уже другая есть. Жизнь не стоит на месте.

Но вспомнив сегодняшнее настроение Матвея и выражение его лица еще несколько минут назад, я подумала, что для него, возможно, жизнь пока и не движется. Это открытие заставило отложить вилку и оглядеться. Гости были веселы, с удовольствием ели и пили. Я уж точно была самой молодой из присутствующих. В основном меня окружали ровесники Матвея, но были мужчины и немного старше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.